

**М.Ю. ЛЕРМОНТОВ
И
АРМЯНСКИЙ МИР**

**ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЯЗЫКОВ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК им. В.Я. БРЮСОВА**

**М.Д. Амирханян
А.М. Амирханян**

*К 200-летию со дня рождения
М.Ю. Лермонтова*

**М.Ю. ЛЕРМОНТОВ
и
АРМЯНСКИЙ МИР**

Ереван – 2014

УДК 821.161.1.0
БКБ 83.3Р
А 620

*Печатается по решению
Ученого совета Ереванского
государственного университета
языков и соц. наук им. В.Я Брюсова*

Рецензенты:

И.А. Киселева, доктор филологических наук, профессор МГОУ

Г.В. Москвин, кандидат филологических наук, доцент МГУ
им. М.В. Ломоносова

А 620   **М.Д. Амирханян, А.М. Амирханян.**
Лермонтов и армянский мир / М.Д. Амирханян,
А.М. Амирханян. – Ер.: Лусабац, 2014. – 118 с.

В книгу включены материалы об общении М.Ю. Лермонтова с его армянским окружением, армянских мотивах в его творчестве, дана краткая история переводов сочинений поэта на армянский язык, их критическая оценка, исследования армянских лермонтоведов, музыкальные сочинения, созданные по мотивам лермонтовских произведений, художественные полотна на тематику сочинений поэта, армянские театральные постановки лермонтовской драматургии и мн.др.

Предназначена для филологов, историков, культурологов, искусствоведов, учителей школ, преподавателей и студентов вузов и любителей русской словесности.

На обложке:
Портрет М.Ю. Лермонтова.
Худ. Заболотский П.Е.

УДК 821.161.1.0
БКБ 83.3Р

ISBN 978-9939-69-114-5

© М.Д. Амирханян,
А.М. Амирханян.

Вместо вступления

200-летие со дня рождения выдающегося русского поэта, прозаика и драматурга Михаила Юрьевича Лермонтова – значимое событие для всей русской и мировой культуры.

Сложно переоценить значение Лермонтова в истории русской литературы. По выражению Белинского, его поэзия – «совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества». Творчество Лермонтова с наибольшей полнотой и с предельной художественной силой выразило все основные идеи, волновавшие передовые умы России. Тематическое разнообразие гражданской лирики поэта, глубина его прозаических произведений, мастерство короткого рассказа, простота и точность построения фразы оказали большое влияние на творчество крупнейших русских писателей и поэтов последующих поколений.

Литературное наследие Лермонтова имеет международное и общечеловеческое значение. «Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени» и многие другие его произведения вошли в сокровищницу мировой литературы. Большую роль в распространении творчества Михаила Юрьевича Лермонтова играют переводы его произведений на другие языки.

Творчество Михаила Юрьевича Лермонтова постоянно находится в центре внимания литературоведов. Данная книга представляет труд армянских ученых, исследующих творчество Лермонтова с позиции теории диалога культур. В ней также раскрываются российско-армянские исторические и литературные связи.

*М.А. Калинин,
Советник Посольства Российской Федерации,
руководитель представительства Россотрудничества
в Республике Армения*

...Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой...

М.Ю. Лермонтов. «Ангел» (1831)

К читателю

Великий русский писатель М.Ю. Лермонтов волею драматических событий и трагического случая, вслед за великим поэтом А.С. Пушкиным, рано ушел из жизни, оставив грядущим поколениям неподражаемо богатое прозаическое, поэтическое и драматургическое наследие, которое всегда будет гордостью русской литературы, и уже не одно поколение читателей Лермонтова черпает в его творчестве мудрость, этическое понятие чести и достоинства, правдивости и благородства духа.

Окинув беглым взглядом жизненный путь Лермонтова, возникает вопрос: почему, по чьей вине происходят события, влияющие на дальнейший ход развития литературы, культуры, истории, когда случай обрывает жизнь наиболее ярких, лучших представителей литературы и культуры в самом начале творческого пути, в молодые годы. Это не просто невосполнимая утрата – это потеря огромного и несостоявшегося пласта культуры, недосказанного мировоззрения, и не только в русской литературе. Таковую же короткую, но яркую жизнь прожил талантливый армянский поэт и драматург Петрос Дурьян (1852-1872), оставив в истории армянской литературы романтические, патриотические, лирические стихи и драматургические произведения. Армянский поэт, прозаик и переводчик Рубен Севак (1885-1915), автор глубоко философских произведений о национальной жизни, трагедии и бедствиях армян в Османской Турции, стал жертвой геноцида армян 1915 года.

Издание настоящей книги имеет, на наш взгляд, любопытную историю.

В связи с 200-летием со дня рождения М.Ю. Лермонтова доцент МГУ им. М.В. Ломоносова Г.В. Москвин прислал письмо одному из авторов этой книги М.Д. Амирханяну, в котором, в связи с тем, что ранее М.Амирханян имел публикации на эту тему, предлагалось подготовить для издаваемого в МГУ «Лермонтовского словаря» статью «Лермонтов и Армения», материалы которой должны быть

озвучены на международной научно-теоретической конференции «200-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова», организуемой МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, ИРЛИ РАН (Пушкинский дом); в 2014 г. изданы отдельной книгой материалы международной конференции «Творчество М.Ю. Лермонтова: диалог культур», одним из организаторов которой является М.Амирханян. В этом сборнике была опубликована статья дочери М.Д. Амирханяна, А.М. Амирханян, подготовленная в соавторстве со старшим научным сотрудником Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» Е.В.Белоусовой «“Ашик-Кериб” М.Ю. Лермонтова: контент оригинального текста и соответствие композиций»¹, сокращенная версия которой была опубликована ранее².

Взявшись за предложенную московскими коллегами работу, словарная статья разрослась и превзошла наши ожидания по богатству и объёму материала (предварительно предполагалось 0,5 п.л., в итоге же вышло более 4,0 п.л. – она была предложена на московскую конференцию). Доктор филологических наук, профессор И.А. Киселева предложила нашу словарную статью разбить на пять частей и представить как самостоятельные словарные статьи. Профессор И.А. Киселева оказалась провидицей и посоветовала нам из этого материала сделать небольшую книгу, что на «выходе» статьи в окончательную версию совпадало с решением М.Д. Амирханяна, принятым накануне его отправки. Так родилась эта небольшая книга «Лермонтов и армянский мир», разносторонне охватывающая «армянские» страницы жизни великого русского поэта М.Ю. Лермонтова.

---

¹ Амирханян А.М., Белоусова Е.В. «Ашик-Кериб» М.Ю. Лермонтова: контент оригинального текста и соответствие композиций // Творчество М.Ю. Лермонтова: диалог культур. Ереван: Лусабац, 2014. С. 59-79. – 202 с.

² Белоусова Е.В., Амирханян А.М. Религиозный контекст или фальсификация компаративности? К вопросу о первоисточнике одной сказки // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории: В 2 т. Т. 2 / Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. Астрахань: АГУ, 2012. С. 46-50. – 262 с.

Армянский мир (Հայոց աշխարհ, транскр. – [hajóts ashkhár]) – уникальное национальное историческо-географическое и культурологическое понятие и явление, феномен истории Армении, культуры и жизнеустройства армянского народа, упомянутое в V веке Мовсесом Хоренаци в последней главе его «Истории Армении» (III, 68)³.

Армянские поэты и писатели не раз использовали данное понятие, вкладывая в него осознание утраченной исторической родины, ее уделов и границ. В то же время это не только обобщенное «обозначение» национального армянского «сообщества», но и результат исторически сложившихся трагических событий, повлекших армянское «рассеяние» по всему миру.

В XIX веке под армянским миром стали подразумевать также контент культурологического пространства народа, который стал неотъемлемой частью другой национальной культуры, и своими корнями, интегрируясь и сливаясь в каждое из геополитических и геоэкономических единиц, из поколения в поколение сохраняющих языковые, религиозные, культурные, цивилизационные, философские, бытовые и др. концепции, присущие своему этносу.

В чужеродной, русской этнической культуре «армянский мир» как феномен, представленный прославившими русскую историю и культуру армянами, создает самобытный универсальный мир, обогащающий жизнь и творчество, интересы «принявшей» его «стороны». И результаты труда поколений рассеявшихся армян в «чужой» стране со временем воспринимаются как «свои», родные. Это первые признаки идеи глобализации. Так представители армянского этноса стали посланниками своего, армянского мира в России, как говорила Н.Н. Берберова (тоже «посланница» армянского народа) о первой волне русской эмиграции: «мы не в изгнании, мы – в послании» (*Н.Берберова. Курсив мой*).

---

³ См.: Хоренаци М. «Плач...» // Мовсес Хоренаци. История Армении. Ер.: Айастан, 1990. С. 212. – Пер. на русск. с древнеарм. Г.Х. Саркисяна. – 291 с.

Меткое и ёмкое по содержанию и творчески вымученное «открытие» Берберовой применимо и к нашему обозначению армянского мира – из исторически вынужденного рассеяния и изгнания – к миссии послания и созидания, возрождения и «охранения» традиций и культуры.

Следуя концепции Г.Д. Гачева, можно сказать, что «каждая национальная целостность представляет собой космо-психо-логос», и каждый представитель своего этноса в со-единении с иной национальной ментальностью создает третий, другой «мир» – «единство местной природы (космос), национального характера (психея) и склада мышления (логос)»⁴.

Наше видение проблемы «Лермонтов и армянский мир» подразумевает именно такое со-единство «космо-психо-логоса» и их взаимодействие, повлиявшее и на творческие истоки произведений Лермонтова, их тематику, и на отражение, отголоски последних в деятельности представителей армянского народа, равно представляющих государствам и народам как русский мир, так и армянский.

В этой небольшой книге читатель найдет редкие страницы из биографии М.Ю. Лермонтова, его тесное армянское окружение, влияние его творчества на армянских писателей и читателей, переводы его произведений на армянский язык, созданные по мотивам его произведений живописные полотна и музыкальные сочинения, и т.п.

«Армянский мир» по-своему оценил и передал грядущим поколениям лермонтовское наследие. Таким образом Лермонтов как творческий феномен русской литературы стал неотъемлемой частью армянского мира, армянской культуры и истории.

Изложенное дает право сказать, что творчество Лермонтова входит в понятие «армянский мир» и является уникальным феноменом в истории литературного процесса в мировом масштабе. Представляя мир как целое, так и национальное культурное пространство,

---

⁴ Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Academia, 1998. – 429 с. // Электр.ресурс: www.biblus.ru/Default.aspx?book=9j1j08a2s0. Дата опубликования 24 мая 2007, 09:00.

масштабы исследуемого допускают объять тему и проблему «М.Ю. Лермонтов и армянский мир» в рамках предложенного нами нового исследовательского проекта, которому можно озаглавить «Литературное наследие М.Ю. Лермонтова во взаимодействии с армянским искусством и культурой».

В подготовке издания нашей книги посильную помощь оказали сотрудники ОНКО «Центральной библиотеки им. Ав.Исаакяна» г. Еревана А.М. Налбандян, М.М. Григорян, А.В. Вердоян. Так как книга готовилась к изданию в кратчайшие сроки, авторы выражают им искреннюю благодарность и восхищение за терпение, понимание и скорость предоставления необходимых материалов – это их повседневные дела, которые часто остаются незаметными.

*М.Д. Амирханян,
доктор филологических наук, профессор
А.М. Амирханян,
кандидат филологических наук, доцент*

Лермонтов в окружении армянского родства

Первое знакомство Лермонтова с Арменией и армянским миром состоялось еще в раннем детстве, когда трехлетний болезненный мальчик лишился матери и бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева (1773-1845; урожд. Столыпина; старшая дочь в семье А.Е. Столыпина) привезла его на лечение на Кавказ. С этого года в жизни поэта большую роль начинают играть его немалочисленные армянские родственники.

Сестра бабушки Лермонтова Екатерина Алексеевна (третья дочь А.Е. Столыпина) была замужем за Акимом (Иоаким) Васильевичем Хастатовым (1756-1809) – представителем старинного армянского рода, владельцем шелковых мануфактур на Тереке и имения Шелкозаводское Кизлярского уезда, в одном из домов которого, в с. Парабоч, в 2006 г. открылся Литературный музей М.Ю. Лермонтова. (Имение Хастатовых тесно связано с историей и культурной жизнью страны – в разное время здесь побывали А.Дюма, Л.Н. Толстой и др.).

Генерал-майор А.В. Хастатов в 1779-1801 гг. был на военной службе, командовал Третьим гренадерским батальоном, участвовал в сражениях за Измаил. За участие в сражениях за стратегически важные Фокшаны и Рымник награжден орденом Св. Георгия IV степени.

Биограф Лермонтова П.А. Висковатый пишет о том, что дочери Алексея Емельяновича Столыпина (имел одиннадцать детей), имея необычайные очертания носа («природа, наградившая их (дочерей. – М.А., А.А.) щедро во всех отношениях, наделила девиц неграциозным длинным носом»), выходили замуж в «почтенном возрасте»⁵.

По воспоминаниям современника Столыпина А.М. Тургенева, «одна из девиц дочерей Алексея Емельяновича, заметив в

---

⁵ Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 25

зеркало на лице расположение к образованию морщинки, выслушала благосклонно генерал-майора армянского племени и закона, Хастатова, и приняла предложение соединиться узами законного брака. Боже мой! Какой гвалт в Москве белокаменной подняли замоторелые княжны, графини и просто дворянские дочери... кричат, как благородной девице вступить в супружество с армянином! Да ведь она погубила свою душу!»⁶.

Род Хастатовых известен в России с петровских времен – с первой половины XVIII века. Дедушка Акима Васильевича – плененный персами армянский купец. В результате персидского похода 1722-1723 гг. при Петре I «Шаховой области армянин Сафар Васильев» был вызволен, как и многие другие армяне. Царским указом ему были даны земли у границ Чечни на левом берегу Терека, где он построил шелковый завод (завод для переработки шелка-сырца), на котором работали кизлярские армяне и грузины, и имение с армяно-григорианской и греко-православной церквями, получившее название Шелкозаводск (или Шелковое), переросшее в слободу, население которой в основном состояло из русских казаков, более пятисот армян и около двухсот грузин. В 1764 году завод стал собственностью сына Сафара, обер-директора помещика Василия Макаровича Хастатова (Сафарова).

Один из сыновей Василия Хастатова – Аким Васильевич Хастатов, генерал-майор, Георгиевский кавалер (в 1789 г., отличившись в сражениях, был награжден орденом Св. Георгия IV степени). Как и генералы-армяне С.С. Давыдов, С.Манеев, Я.Абрамов и др., А.В. Хастатов участвовал во многих знаковых для российской истории битвах, в том числе и в штурме крепости Измаил в русско-турецкую войну 1787-1792 гг., и за проявленные смелость и отвагу был удостоен дворянского титула.

---

⁶ «Русская старина». 1885. Т. XLVIII. С. 276.

(Александр Васильевич Суворов (1729(1730)-1800) взял на себя дело освобождения Армении от мусульманского ига, восстановления «армянской государственности под протекторатом России» и переселения армян в различные области и города России⁷. Через «архирусского» (по меткому определению историка культуры Н.Н. Вильмонта) генералиссимуса русский императорский двор получил, по мнению академика М.Г. Нерсисяна, «историческую карту Армении с автографом великого полководца»⁸, что, думается, стало отправной точкой в принятии окончательного решения России о защите армянских земель и высочайшего повеления освободить армян и других христиан от турецкого ига.

«Армянский» интерес и армянское военное окружение (и предпочтение) А.В. Суворова не случайно – он «был с материнской стороны армянином» (об этом пишет московский историк А.П. Базилянц, ссылаясь на родословную полководца, и указывает, что отец генералиссимуса генерал-аншеф и сенатор В.И. Суворов (он был крестником Петра I) женился на Авдотье (Евдокии) Федосеевне, урожденной Мануковой (Манукянц – старинный армянский московский род), дочери дьяка при Петре I, получившей при замужестве в приданое дом в Москве и имение в Орловском уезде. О Суворове князь Г.А. Потемкин-Таврический, генерал-фельдмаршал русского флота, Н.Н. Вильмонт со слов современников пишет, что «солдатские шутки Александра Васильевича отзывают кавказским балагурством»⁹.

Суворов совместно с Иваном Лазаревым и Осипом Аргутинским (Овсеп Аргутян) участвовал в разработке проекта о восстановлении армянской государственности и освобождении исторической Армении. В армянский круг лиц, с которыми русский полководец имел деловые контакты, входили представители армянской церкви (армянский католикос Симеон, архимандрит Петр Маркос, архиепископ Аргутинский, армянский патриарх в Иерусалиме Оваким Канакерци) и армянской знати. Под началом Суворова воевали братья Богдан и Аким Хастатовы, в маневрах с турками и в различных военных поручениях Суворов опирался на своих «любимцев» армянских ратников – капитана Фанагорийского гренадерского полка майора Мартина Лалаева (Лалаян), подполковника Ивана Манеева (Ованес Манеян), главу нахичеванского армянского управления (магистрата) майора

---

⁷ *Нерсисян М.Г.* А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770-1780-х годах. Ереван: Айастан, 1981. С. 43-79. – 180 с.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ *Балаян Д.* «Юсисапайл»: Далекое и близкое // Электр.ресурс: <http://husisapail.narod.ru/husis16.htm> Дата опубликования 28.04.2011

Якова Абрамова (Акоп Абрамян) и мн.др., – все они отличились не только в битвах, за что и были отмечены наградами и представлены к дворянскому титулу¹⁰.)

В исследовании академика М.Нерсисяна, объективно развернутом и важном, обозначены этапы развития и вхождения видных деятелей армянского народа в жизнь российского общества, действительность и русский мир. Они принимали самое активное участие в социальной сфере, истории и культуре России. Благодаря армянству культурологически расширились границы внутригосударственного христианского мира и в числе верноподданных оказались влиятельные и деятельные представители народа, всецело посвятившие себя верному служению новому отечеству, о чем свидетельствуют приведенные биографические сведения о боевых сподвижниках Суворова. Один из них – русский офицер, дослужившийся до чина генерала, армянин Аким Васильевич Хастатов.

В 1780 г. А.В. Хастатов стал генерал-адъютантом А.В. Суворова, который ценил и дружил с Акимом и его братом, Богданом Хастатовым (братья хорошо знали азиатские обычаи и нравы). Свободно изъясняющегося на иностранных, в том числе и азиатских, языках А.В. Хастатова назначили в свиту М.И. Кутузова и позднее, в 1793-1799 гг., он был на службе в русском посольстве в Константинополе¹¹.

Судьба Лермонтова тесно переплелась с тремя детьми Хастатовых – Марией (в замужестве Шан-Гирей), Анной и Акимом. Лермонтов, будучи ребенком, трижды подолгу гостил с бабушкой в имении Хастатовых, у двоюродных теток Марии и Анны и дяди Акима Акимовича, где впервые соприкоснулся с армянской культурой, услышал сказания и песни.

---

¹⁰ *Нерсисян М.Г.* Из истории русско-армянских отношений. Книга первая. АН АрмССР. Ереван, 1956 // Электр. ресурс: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780.../pred1.htm

¹¹ *Карумян Д.* Хастатовы, армянские родственники Мих.Лермонтова // Сура. Литературный журнал, Пенза. 2009. № 5. С. 171-174.

Аким Акимович Хастатов
(1803 – предполож. 1883)
*Рис. из альбома П. И. Челищева.
Карандаш. 1840-е гг.¹²*

Приезжал Лермонтов в имение и позднее, в годы кавказских ссылок 1837, 1840 и 1841 гг. Хастатовы жили в станице Шелкозаводская. Впервые Лермонтов ребенком приезжает на Кавказ в 1818 году с бабушкой. Второй раз, в 1820 г., как и в первый, маленький Мишель с бабушкой вновь остановились у Хастатовых. В третий раз Елизавета Алексеевна привозила Мишеля на Кавказские Минеральные воды в 1825 г., тогда они жили в Горячеводске (в настоящее время он составляет часть Пятигорска), где у Хастатовых также был свой дом.

Бывая у Хастатовых, мальчик слушал увлекательные рассказы своего дяди Акима (Яким, Еким) Акимовича Хастатова (1803 – точная дата смерти неизвестна, предположительно 1883), поручика Семеновского полка, храброго воина, яркого и образного рассказчика о кавказской жизни, которая оставила след в памяти пытливого мальчика.

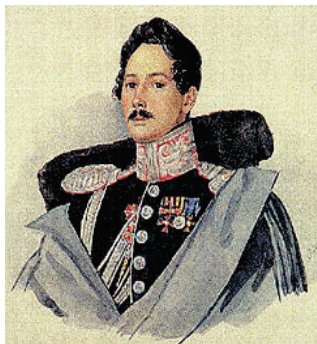
Дядя Лермонтова, А.А. Хастатов, любил рассказывать о годах своей службы, о романтических отношениях к «кумычке Бэле», которую когда-то похитил.

Другой источник, из которого юный Лермонтов мог быть знаком с армянским миром, – это годы его пребывания в Школе гвардейских юнкеров и период дальнейшей военной службы.

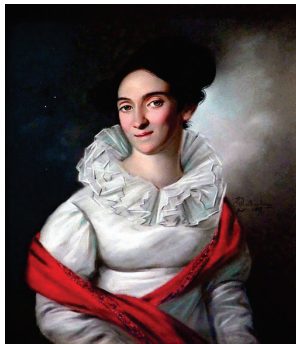
---

¹² См.: *Иванова Т. Лермонтов на Кавказе. М., 1968. С. 67.*

В полку вместе с Лермонтовым служил будущий генерал-майор князь Семен Давидович Абамелек (1815-1888) – сын армянского князя Давида Семеновича Абамелек (1774-1833) и Марфы (Марьи) Иоакимовны (Екимовны) (урожд. Лазаревой; 1788-1844).

Давид Семенович Абамелек¹³

Марфа Иоакимовна Лазарева¹⁴

Князь Давид Семенович и Марфа Иоакимовна, зная несколько языков, в том числе грузинский язык и родной армянский, в вопросах воспитания прислушивались к советам своих родных, в частности, тестя Иоакима (Екима, Якима, Оваким) Лазаревича Лазарева (1744-1826), основателя армянского училища в Москве (1815) для армянских и русских юношей, одного из его учредителей и первых попечителей преобразованного в 1827 г. Лазаревского института восточных языков, и решили, что все дети Абамелеков должны обучаться, среди прочих, и армянскому языку, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма 1817-1823 гг. Марфы Иоакимовны к родителям.

В письме от 16 декабря 1821 г. написано: «Начала учить Анюту мою по-армянски, и смею уверить вас, что никогда не

---

¹³<http://impereur.blogspot.ru/2009/12/1774-1833.html>. 11.02.2014

¹⁴<http://ru.rodovid.org/wk/97D181D18C:255590>. 22.02.2013

упущу из виду целительные наставления ваши и первым долгом всегда буду считать, чтобы дети мои совершенно знали национальный язык свой»¹⁵.

Способности маленькой Анны к изучению языков проявились рано, о чем свидетельствует строчка из письма Марфы Иоакимовны от 11 августа 1822 г.: «для такого короткого времени она сделала <...> много успехов»¹⁶.

Дружески-родственные встречи детей семьи Абамелеков и Лермонтова, действительно, могли стать источником узнавания поэтом армянского мира. Об этом повествуется в небольшом художественном пятичастном повествовании М.В. Кравцовой «Княжна», который мы приводим ниже, хотя, признаемся, этот материал не совсем соприкасается с нашим исследованием, но наглядно представляет исторически сложившуюся армянскую ауру.

МАРИНА КРАВЦОВА. «КНЯЖНА»¹⁷

1

Каждое утро, едва лишь над Баден-Баденом начинало играть первыми лучами новорожденное солнце, из дома выходила женщина, пожилая, но сохранившая яркие следы блестящей красоты. В женщине этой, несмотря на скромное темное одеяние, безошибочно угадывалась знатная дама. Она проходила в сад, безмолвный в ранние часы, присаживалась в излюбленном месте, вынимала золоченую записную книжечку...

---

¹⁵ Михайлова О.И. Портреты А.Д. Абамелек // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Отделение лит. и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Вып. 20. С. 66-67.

¹⁶ Там же. С. 67.

¹⁷ Кравцова М. Княжна // Первые Лазаревские чтения по истории армян России / Ред.-сост. Э.Е. Долбакян. М., 2003С. 108-130 – 150 с. // Электр.ресурс: ru.hayazg.info/Материалы_Первых_Лазаревских_чтений_по_истории...

Чужие языки давно стали ей родными, суть любого стихотворения, будь то знаменитый Гейне, Лонгфелло или Мур, облакалась в ткань великолепного русского, и рождались новые строки...

*«Из сказочного мира
Под белую рукой
Звучит мне часто лира
И манит за собой*

*Цветы там неземные
Алеют багрецом,
Как девы молодые
Под свадебным венцом...»*

Что остается немолодой, бездетной вдове, для которой супруг был важнейшей частью любящего сердца? Для Анны Баратынской, урожденной княжны Абамелек, утешением стали дела милосердия, молитва и стихи... А еще – воспоминания. И светлые, и печальные, о прошедшем, невозвратном теперь счастье. Воспоминания, соперничающие порой с поэтическим вдохновением, останавливающие строчку на взлете, и уводящие поэтессу в прошлое...

*«... Часто мнится мне, что в двери
Входят стройною чредой
Все знакомые мне тени
И беседуют со мной...»*

Было о чем побеседовать с прошлым. Редко к кому жизнь бывает столь щедрой! Чистокровная армянка, русская душою, обладательница тонкого ума, Анна неизменно привлекала к себе взоры и сердца. Зная, что прекрасная княжна - любительница поэзии, каких только стихов не посвящали ей поклонники. Да какие поклонники!

Вот послание Петра Вяземского перед отъездом в Москву из чужих краев:

*«Любезной Родины прекрасное светило!
Приветствую тебя на чуждой стороне!
На небесах родных ты улыбалась мило,
Но на чужбине ты еще милее мне...»*

А это поэт Иван Козлов:

*«Восток горит в твоих очах,
Во взорахнега упоенья,*

*Напевы сердца на устах
А в сердце пламень вдохновенья...»*

И главное – Пушкин... Да, Пушкин!

Шел 1814 год. Лейб-гвардии Гусарский полк был расквартирован в Царском Селе. Полковник князь Давыд Семенович Абамелек, герой битв с Наполеоном, так и сиял сегодня, словно отблеск милого солнышка падал на него. А солнышко это – дочка Анна, что сидит сейчас на руках у матери и тянется пухлыми ручонками к отцу. Нет, девочка еще не понимает, что это – отец, она слишком мала, но так весела и жизнерадостна, что тянется к любому, в ком чувствует ласковый интерес к себе... Любуясь прелестным ребенком, даже лихие усачи-гусары - дяди крошки Анны, молодые князья Абамелеки и юный граф Лазарь Лазарев, - от души улыбаются и смеются.

Но тут появляется новый гость - желанный...

- Вот и Сашка! – сильнее развеселился младший Абамелек, поднимаясь навстречу невысокому смуглому юноше, вчерашнему ребенку. Это - лицеист Александр Пушкин, добрый друг гусар. Он балуется стихами, да так прекрасно они у него выходят, что ему прочат лавры великого поэта. Саша – быстрый, живой, кажется, при скорой выразительной речи ни один мускул его лица не остается без движения. «Недаром острословы-однокашники прозвали его «обезьяной!»», - невольно отметил про себя граф Лазарев.

- Здравствуй, Саша, - приветливо кивает он Пушкину, не вставая с дивана.

Огромные детские глазенки весело взглянули на юного лицеиста, маленькая княжна Анна вновь просияла, принялась потряхивать черными блестящими кудрями, обильно падавшими на высокий лобик.

- О, а это что за прелесть?! - Пушкин пришел в восторг, будто угадал в малышке родственную душу.

- Дочь моя, Анна, - с нескрываемой гордостью прозвучал ответ старшего Абамелека.

- Позвольте мне, Семен Давыдович!..

Александр взял девочку на руки, присел на диван, принялся играть с нею, оживленно болтать и смеяться.

И всем наблюдающим со стороны эту радостную возню, показалось: ребенок и поэт прекрасно поняли друг друга...

*«Когда-то(помню с умиленьем)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели – с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами*

*С невольным трепетом ношушь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь».*

2

Солнце заливало лучистым своим весельем заснеженное село Фряново. Мороз таков, что не только стоять не велит, а чуть ли не бегом гонит. Снег задорно искрится, хрустит под ногами.

Большой белокаменный храм, рядом с барской усадьбой господ Лазаревых, кажется сегодня особенно торжественным. И даже крестьянские домишки, заметенные вчерашним снегопадом, чудятся в блестящем снежном пухе принарядившимися к великому празднику. Да и обитатели их все невзгоды позабыли на время. Святки!

По дороге, ведущей в село, лихо катит добротный возок, в котором удобно расположились два молодых черноусых офицера. Вот тройка подкатывает к усадьбе, красующейся на взгорье.

- Знаешь, Лазарь, - говорил, покручивая по-гусарски завитый ус, младший князь Абамелек – Александр - своему родственнику, молоденькому графу Лазареву, - мне почему-то нигде не бывает так радостно и спокойно, как здесь, у вас. Лишь взгляну на это чудо... - он выпрямился, и, отпустив ус, истово перекрестился на великолепный белокаменный храм. – Душа поет...

На маленькую фряновскую площадь высыпал народ, радовался, гудел, не боясь мороза. Гуляла здесь, шумела местная ярмарка. Степенный мужик Егорыч, купив для дочки гостинцев, крякнув от холода, свернул в питейное заведение, где столкнулся с приятелем. Приятель – худой белолицый рыжий парень, подмигнул:

- Гуляешь и ты ради праздника, Егорыч?

- Ради праздника можно, - серьезно прогудел тот.

- Да, велик праздник, радость-то какая... Святки! Господа, вон, понаехали. Теперь веселье пойдет! В саду эти будут пускать... фев... фер...

- Ферверки.

- Точно!

- Хорош сад господский, - одобрительно протянул Егорыч, осушая чарку. - Разросся-то как! Я-то помню, при покойном барине иные деревца еще ма-а-ахонькие были... А теперь, как весна, в цвет входят – только что не ладан! Еще сирень энта... особая какая-то... басурманская. Ажно голова болит!

- У меня мальчонка едва в сад энто не заскочил, а я споймал и попотчевал березовой кашей от души, чтоб впредь неповадно было. Не

жалуют господа это дело. Нынешний барин-то пожиже будет старого – брата своего усопшего.

- Молчал бы лучше. Не наше дело – господ разбирать.

- Твоя правда. Однако и порядки уж не те, старики говорят. Обижаются на барина. Прежний, Царство Небесное, вон как церкву воздвиг для нас, Православных, хоть и баял частенько не по-нашему...

- Ладно, молчи! – сурово оборвал Егор. – Пей, вон, лучше.

- Молчу. Расскажи уж ты что-нибудь занятное. Расскажи-ка, как с Бонапартием воевал, - в сотый раз попросил молодой...

Меж тем в парадной зале барского дома сам пожилой барин, Еким Лазаревич Лазарев – знаменитый глава армянской общины в России, Русский граф, жалованный Екатериной Великой, принимал с распростертыми объятьями сына своего Лазаря и родственника князя Абамелека.

Молодой Абамелек был доволен. Все нравилось ему в этом уютном дворянском гнезде: изукрашенные изразцами печи, живописные росписи на потолке, множество старинных предметов, создававших атмосферу лазаревского дома, в котором часто собирается большая дружная семья. Сам Александр вырос в такой же семье – в многочисленном знатном семействе армянских князей Абамелеков, чей род имел священнические корни. У Александра было пять братьев. Женитьба одного из них, Давыда Семеновича, на дочери Екима Лазаревича Марфе тесно сплотило два знатных армянских рода.

...Марфа Екимовна гордилась мужем, а он и через годы супружества не переставал любоваться ее благородной красотой, прозрачными светлыми глазами и выражением достоинства - в лице, в осанке, в медленной плавной поступи. Они поладили между собой как нельзя лучше, хотя брак был заключен по чистому расчету. Князей Абамелеков уважали и любили, говорили про них: настоящие орлы – храбрецы, рыцари, люди высокой культуры, и притом – благочестивые христиане.

Появились они в России, сопровождая ко двору Павла I последнего грузинского Царя, чей старший сын был женат на их сестре. Поднесли Государю Павлу огромный бриллиант. Император Павел Петрович остался очень доволен, отдался именем в Каменец-Подольском и принял самое живое участие в судьбе юных армянских витязей.

Абамелеки оправдали монаршую милость, честно и бесстрашно послужив России на военном поприще. Двое из братьев, в том числе и Давыд Семенович, дослужились до генеральских чинов.

Сейчас Давыд Семенович, величавый красавец, которого не старили годы, прогуливался под руку со своей прекрасной женой по великолепной оранжерее лазаревского дома. Князь был при полном параде, при всех орденах, заслуженных воинской доблестью. Марфа Екимовна неспешно

плыла мимо зеленеющих экзотических деревьев, слегка опираясь о руку мужа.

- Помню, - весело рассказывала она, - помню, как только появились они, как возрастали эти островки восточных чудес! Мы с сестрами были тогда совсем молоденькими, братцы еще не вышли из отрочества... А Лазарь в то время был совсем крохой. Ему нравилось играть здесь в прятки.

Оранжереи были длинными, с примыкающими пристройками. Выходы из них вели и в дом, и в парк. Рослые фруктовые деревья, причудливые кусты, хрупкие нежные цветы великолепно чувствовали себя здесь, не зная горя лютой зимой, когда за окнами – мороз и сверкающий сонм ледяных крошечных цветков-снежинок.

Неожиданно появилась прехорошенькая девочка с большими темными глазами, сверкающими посильнее, чем снег за окном.

- Папа, маман, дяди Лазарь и Александр приехали! – объявила она, запыхавшись, и тут же спросила: - А это дяде Лазарю нравилось играть здесь в прятки?

- Все-то ты расслышишь, шалунья! – улыбнулся Давыд Семенович, подхватывая девочку на руки.

- Мы все уже поздоровались с дядюшками, теперь идите вы, они в парадной зале, - щебетала Анна, старшая дочь четы Абамелек.

Князь опустил дочь на пол, вместе с женой вышел из оранжереи, напоследок еще раз погрозив девочке пальцем. Аннет выскользнула вслед за ними, но через малое время вновь примчалась сюда, а за ней бежали ребятишки...

Черноволосая Аннет, которой было около семи лет, обещала со временем превратиться в роскошную красавицу. Уже сейчас ее восточные глаза были великолепны, светясь одновременно и недетским умом, и совершенно ребяческой живостью. Дети, которых она привела – все мальчики, а маленьких сестричек Аннет, уже считавшая себя взрослой, оставила в детской.

Аннет немножечко гордилась собой. Ей рассказывал отец, какое впечатление произвела она в раннем детстве на молодого Пушкина. Сейчас подросшая княжна читала его стихи, которые давали ей родители, и была очень довольна. От стихов она вообще приходила в восторг, мгновенно заучивала их наизусть и тут же цитировала младшему брату Семушке.

Семушка Абамелек находился среди детей, прибежавших с Анной. Он был мальчиком очень симпатичным, вежливым, добрым, тихим. В нем тоже угадывался будущий блестящий красавец – все они, Лазаревы, Абамелеки, были очень красивы – но маленький князь Семен с ясными, задумчивыми светлыми глазами походил скорее на мать, «востока» в нем было гораздо меньше, чем в сестре.

Были в компании Абамелеков двоюродный брат Николенька и два преданных «поклонника» Аннет – воспитанники основанного Лазаревыми училища. Богачи Лазаревы часто брали к себе на каникулы учеников-сирот, и русских, и армян.

- Вы слышали, господа, что я сказала? – воскликнула Аннет. – Давайте играть в прятки! Искать буду я!

Все слушались ее без возражений, Сема и Николенька как старшую сестру, мальчики из училища – как восхитительную маленькую барышню. Они наперебой старались ей понравиться, но Аннет не обращала внимания на детские проявления их большой дружбы. Тайком она вспоминала кареглазого мальчика, то странно-задумчивого, то буйно-веселого, бледного и некрасивого, но в чем-то – просто удивительного. Были они одногодки, встречались у общих родственников, а звали мальчика – Миша Лермонтов...

Игра в прятки была в самом разгаре, как вдруг сильная рука вытянула из-за дерева Николеньку, да и все остальные спешно повылезали из своих укрытий от громового голоса дворецкого Кузьмы:

- Негоже баловать, господа! Деревья, цветы поломаете, а отвечать нашему брату, не вам же.

- А я и сама за себя отвечу, ежели надо будет, – выступила вперед маленькая княжна Абамелек.

Лицо старика невольно преобразилось из грозно-хмурого в преисполненное добродушия, и он улыбнулся в усы.

- И-и, барышня, смелая какая! Чего с сестричками играть не изволите?

- Так ведь скучно, маленькие! А гулять не пускают, мороз...

- Мороз, оно уж точно! Крепкий морозец, хороший. Что ж, летом нагуляетесь, господа...

- Летом!..

Летние воспоминания у тех из детей, кто уже бывал во Фряново, вызвали живое чувство – «скорее бы!» Отсюда, из оранжереи можно попасть сразу в липовый парк, примыкающий к дому. Парк сбегает по пологому склону к речке. Играть там очень весело. А пруды с рыбками... А подземные ходы, о которых проведала Аннет, куда мечтала пробраться – непременно в одиночестве. Они шли из парка к реке, к храму, к фабричному зданию... А сейчас все занесено густейшим слоем искристого снега...

- Ты бы, Кузьма, чем ворчать, лучше бы нам какую сказку рассказал, – попросила Анна.

- Да, Кузьма, расскажи, – восторженно подхватил Семушка.

- Ишь, чего удумали! Никаких сказок я не знаю. Вот старину могу рассказать, что дед сказывал.

- Давай, не тяни!

Кузьма откашлялся.

- Жил да был, значит, на Москве Тишайший Государь Алексей Михайлович, и был при нем боярин. Важный боярин, ни перед кем шапки не ломал, да кого-то, видать, и ввел в обиду. Ну, насказали про него Царю, прогневался Тишайший Государь, велел боярину уезжать к себе в вотчину, и носа на Москве не казать. А боярин наш был, фряновский. Вот живет он здесь, значит, и все думу думает, как милость Государя вновь заслужить. Всякие советники ему советы дают: поклонись де Царю казной золотой, конем вороным... «Нет, - говорит боярин, - тут надобно такое, чем кроме меня никто не сможет Государю поклониться». Вот и найдись умный человек, да и скажи: «Славится земля наша ткачами-мастерами, что из шелка чудеса творят». Приздумался боярин и велел привести к нему самого что ни на есть мастера. Вот и появляется перед ним дед седой, низко кланяется. «Ну, дед, что скажешь, чем бы мне Государю поклониться?» - «Вытку, - говорит ему старик, - для Царя-батюшки рубашку из чистейшего шелка, да такую, чтобы ни единого шовчика на ней не было». - «Как же так, цельную рубашку, да чтоб выткать, не из полотна сшить?» - «Сделаю, барин». И точно. Вскорости несет старик барину рубашку – да такую, загляденье! И впрямь цельно из шелка выткана, и не единого шовчика на ней. Ну, обрадовался боярин, схватил рубашку, да не мешкая к Государю Алексею Михайловичу. Подивился Государь. «А что ж, - спрашивает, - за мастер у тебя такой?» А боярин что и сказать не знает: он и имя у старика того по великой своей важности спросить забыл.

- А дальше? – спросила Аннет.

- А дальше, барышня, не ведомо.

- Нет, ведомо! – заупрямилась Аннет. – Царь боярина опять прогнал, а старика-мастера к себе на Москву призвал, поселил в больших палатах, наградил по-царски, и стал старик одному только Государю рубашки ткать.

- Во всем правда должна быть, - поддержал сестру Семушка.

- Ну, пусть будет по-вашему, - вновь улыбнулся Кузьма. – А все ж таки из оранжереи ступайте-ка вы, господа. Не след тут играть...

Аннет послушалась, убежала, а за ней и мальчики. Весело им было. Праздник великий – жди больших радостей...

...По-разному жили обитатели села Фряново, прославившегося на всю Россию шелковой фабрикой. Мужики тяжким трудом добывали скудный хлеб, господа в золоте купались. Но одина духом была Россия, и всем не мерой давалась общая радость – святая радость светлых Господних праздников. И чудеса Христова Рождества и святых дней, за ним следующих, вкусили все – от мала до велика.

Ах, какие это были веселые Святки!

...Люди уходят, а храмы остаются.

Сторож звякнул ключами, со скрипом и скрежетом растворилась тяжелая дверь.

- Вот и церковь наша, барин. Ладная, - сказал крепостной художник Петр Лодейщиков.

Князь Семен Давыдович Абамелек вошел в тихий полусумрак храма Рождества Пресвятой Богородицы. Сторож, крестясь, принялся зажигать свечи перед образами, на которые вдумчиво-благоговейно смотрел молодой барин.

Семен Абамелек ненадолго прибыл в Пермь, на Чермозские заводы, взяв короткий отпуск, чтобы помочь в делах дяде Христофору Екимовичу, брату своей матери Марфы. Как и отец его, и дяди, Семен Давыдович служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Товарищи его любили, неизменно сердечно о нем отзывались. Способности к воинской службе были в крови у князя Семена, как-никак – Абамелек. Но все-таки... все-таки некоторое неудовольствие смущало его простую, открытую душу. Нравилась ему тихая жизнь, с музами общение – немного живописи, немного истории... Любил Пермский край. Образ преподобного Стефана Великопермского давно уже притягивал Семена, волновал его сердце, в котором много было места для молитвы.

- Откуда эти образа? – спросил князь Лодейщикова, рассматривая копии с итальянской церковной живописи.

- Господа прислали.

- А стены вы с Казаковым расписывали?

- Да, барин. Да и кроме нас...

И художник, вспомнив о своих товарищах, таких же крепостных живописцах, о крепостном архитекторе Подьячеве, этот храм спроектировавшем, с тайной завистью взглянул на князя. Но от зорких, пронизательных глаз Семена этот взгляд не укрылся. Он усмехнулся в усы:

- Что ты так смотришь?

- Да вот, думаю, вы – князь, ваше сиятельство, вам талант даден, и вы, если пожелаете, можете дальше учиться живописному искусству, - искренне ответил Петр. – Работы, что вы мне показывать изволили, уж больно хороши...

- Хочешь учиться? – понял Абамелек. – Трудно это будет. Поговорю с Христофором Екимовичем.

- Сделайте милость, барин, замолвите словечко...

Князь Семен почувствовал уважение к своему собрату по искусству. «Талантливы люди на Руси, – подумал он. – Да и то, какой я художник по сравнению с ним?»

Молодой Абамелек был человеком скромным, считал себя не художником, а так, любителем, хотя живописью начал заниматься еще в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Учился он там с Мишей Лермонтовым, с ним и рисовали вместе. Таланты Мишины всегда восхищали Семена...

«Будут здесь и мои иконы! – внезапно, вдохновенно решил князь, скользя благоговейно-восхищенным взором по стенам церкви. – И непременно – святого Стефана Великопермского. Господи, помоги!»

Лодейщиков молился о своем...

Анна внимательно выслушала рассказ брата.

- Так говорил ты с нашими дядями об этих мастерах?

- Говорил. Ни да, ни нет. Не до этого, видать, - заводы, институт... Напомню позднее. Аннет, хочешь показать тебе эскиз...

- Хорош! – горячо похвалила Анна. – Удивляюсь, однако, почему ты решил, что ты не художник?

- Этот простой парень-живописец прав, Аннет! Учится нужно всю жизнь, не переставая...

- А помнишь, - оживилась Анна, - как вы с Мишеlem устроили мастерскую на квартире моего Ираклия?

- Как не помнить... Бедный Мишель!

Анна перекрестилась, ее жгучие глаза, в глубине которых затаилась нежность и грусть, повлажнели.

- Семушка, помнишь? Был чудный летний день...

...Был чудный летний день. Они втроем гуляли по парку – Семен Абамелек, Михаил Лермонтов и княжна Анна, совсем недавно из бойкой девочки превратившаяся в обворожительную грациозную красавицу-аристократку, с сильным характером и многообразными талантами. На редкость легко давались ей иностранные языки. Замечательно зная французский, английский, немецкий, княжна сейчас старательно изучала греческий, чтобы читать на нем Библию и Святых Отцов Церкви, познакомиться с Литургией Иоанна Златоуста в греческом подлиннике. Искренне набожная, Анна помнила, что знатный род Абамелеков – священнических корней, умела и любила молиться, и спрашивала себя, не является ли ее пылкая любовь к поэзии греховной страстью?

Да, стихи были страстью Анны. Однажды, с первого прочтения запомнив новое пушкинское стихотворение, она вдохновенно прочитала его приятельницам, наивно позабыв при этом, что юные барышни не знают родного Русского. Приятельницы ради приличия поахали, повосхищались мелодией стиха, но смысла не поняли, и это очень огорчило княжну.

И вот семнадцатилетняя Анна решила на первый поэтический опыт: перевела на французский язык пушкинское стихотворение «Талисман». И сердце ее билось сейчас быстрее – она решила прочесть перевод влух.

Княжна заранее знала, что Семушка одобрит, но мечтала произвести впечатление на Лермонтова. В ее горячей привязанности к Мишелю почти не было женского чувства. Была сестринская любовь, драгоценные отголоски детской дружбы и робкое восхищение тем, что она определить не могла, ощущала как нечто великое, некую данность Свыше, присутствующую в загадочной душе этого семнадцатилетнего мальчика.

Молодые люди свернули с аккуратной дорожки в ажурную беседку, обвитую зеленью, устроились в ней, и Анна, даже помолившись про себя от волнения, красиво, выразительно прочитала «Талисман» в своем переводе.

Юноши похвалили. Семен – горячо, восторженно: он любил сестру, ему нравилось все, что она делает. Михаил – искренно, но сдержанно.

- Мишель, хочешь критиковать? – Семен внимательно смотрел на Лермонтова кроткими глазами, но его заметное легкое волнение подсказывало, что молодой князь готов жарко поспорить, защищая поэтический дар сестры.

- Критиковать? Нет... - несколько рассеянно ответил Мишель. Большие карие глаза приобрели странное выражение. Лермонтов ушел в себя. Анна неловко теребила тетрадку.

И вдруг, не глядя ни на кого, Миша вполголоса начал:

*- Настанет год, России черный год,
Когда Царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в его руке булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом...*

У Абабелеков перехватило дыхание, им стало жутко. Ненадолго установилась тишина, в которую короткой причудливой трелью звонко влилась песня какой-то беззаботной птицы...

- Мишель, откуда это? – наконец почти шепотом спросил Семен.

- Так, - Миша слегка смутился. – Пришло во сне. Год назад. Фантазия... Химера... Я это видел...

Анна, привстав, прижала к груди сжатые кулачки:

- Миша, - выдохнула она, - вы понимаете, что вы написали?

Лермонтов уже вновь отчего-то хмурился...

Вскоре княжна Абамелек была пожалована во фрейлины. А через три года пришла настоящая большая любовь. Счастливая Анна вышла замуж за полковника лейб-гвардии Гусарского полка Ираклия Баратынского, храброго боевого офицера, пользующегося всеобщим уважением. Как и в родном доме, атмосфера ее новой семьи была проникнута любовью к искусству. Брат Ираклия, Евгений, был талантливым поэтом. А Мишель и Семушка даже устроили в квартире полковника Баратынского живописную мастерскую, о чем и напомнила Анна брату с ностальгической грустью...

...Молитвы, вознесенные в Чермозском храме Рождества Пресвятой Богородицы живописцами - князем и крепостным парнем - исполнились. Семен Абамелек за представленную картину «Святой Стефан Пермский» был удостоен Академией Художеств звания художника. Образа святителя Алексия, митрополита Московского, и святого Стефана Великопермского, писанные князем Семеном, заняли место в Чермозской церкви.

Услышал Господь и мольбу крепостного художника. Побывал в Перми герцог Максимилиан Лейхтенбергский, Президент Академии Художеств, заходил в Пермский кафедральный собор...

«В проезд мой через Пермь, быв в тамошней соборной церкви, я видел написанные принадлежащими Вашему Превосходительству живописцами Казаковым и Лодейщиковым образа и, судя по достоинству оных, полагаю, что эти живописцы имеют замечательные дарования к художеству и при возможности к дальнейшему усовершенствованию в искусстве в Императорской Академии Художеств, они могли бы сделаться хорошими художниками.

Вследствие чего по званию Президента Академии я желал бы доставить Казакову и Лодейщикову возможность поступить в Академию; но как по закону этого нельзя иначе сделать, так в таком лишь случае, когда они будут независимого состояния, то я и обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой даровать Казакову и Лодейщикову свободу от крепостного состояния».

Ходатайство возымело силу, отпущенные господами Лазаревыми на свободу талантливые живописцы Николай Казаков и Петр Лодейщиков поступили в Академию художеств. Усовершенствовав мастерство, они не перестали писать образа для Божиих храмов.

Словно какой-то рок висел над знаменитым родом Лазаревых. Четверо братьев было у графа Екима Лазаревича, дедушки Анны Абамелек по матери, но только у него одного родились сыновья, и умер старик с мыслью, что именно его внукам суждено продолжить славный армянский род. Но сколько лет прошло, и нет прямых наследников!

Христофор Екимович, задумавшийся сейчас об этом невеселом положении, имел дочерей - графинюшки одна другой краше... А сын? Нет сына, нет наследника... И тяжело Христофору Екимовичу, и все он молится, все ждет...

И после таких-то мучений и ожиданий возможно представить себе, какая радость пришла однажды в лазаревский дом - великое ликование: у Христофора Екимовича, которому было уже пятьдесят пять лет, родился сын. Наследник. Окрестили его Ованесом - Ванечкой. Сам семидесятишестилетний Католикос армян, будучи в Петербурге, почтил своим присутствием крещение и миропомазал младенца.

И, конечно же, не только родители, но и многочисленные родственники души не чаяли в наследном принце своего клана.

С новорожденным малюткой Лазаревы отправились за границу. Возрастал мальчик-армянин, впитывая в себя красоты Германии, Италии, Франции. Почему же так? Да потому что дрожал за него отец, и при малейшем недомогании малыша уже созывал европейских врачей-знаменитостей.

Столь трепетно-благоговейное отношение родителей не преминуло бы вредно отразиться на характере ребенка, если бы крошка Ованес не был мальчиком странным, развивающимся независимо от окружения. Он не играл ни с кем и не дружил. Но людей любил. Сам настаивал на посещении тюрем, раздавал милостыню своей маленькой смуглой ручонкой, а возвращаясь домой, тихо сидел и думал о чем-то... Иногда, напротив, на него нападал «говорун», и ребенок спрашивал, спрашивал без конца:

- Папочка, кто правит миром?
- Мамочка, как побывать у Бога в гостях?
- А почему небо не падает?

И часто практичный, тонкий, дипломатический ум Христофора Екимовича заходил в тупик и становился беспомощным против детских вопросов.

Ванечке дарили роскошные игрушки, а он норовил их при первой же встрече отдать любому другому ребенку. Лучшими «игрушками» для него были картины. Он мог смотреть на них часами, широко раскрыв в напряжении свои огромные восточные глаза... А потом задавал новые неожиданные вопросы.

Наконец-то возвратились в Россию. На родине любимым занятием маленького Ованеса стало посещение храмов. При этом карманы юного Лазарева надо было набивать основательно – он очень расстраивался, если, мгновенно раздав все, что у него было, вдруг встречал еще какого-то нищего, а подать-то уже нечего...

Как-то раз навестила Лазаревых гостившая в Петербурге Анна Давыдовна Баратынская, муж которой был нынче казанским губернатором. Ованес, очень любивший разговоры со взрослыми, сразу же оживился:

- Скажите, кузина Анна Давыдовна, откуда стихи? – был первый вопрос, заданный им поэтессе. Большие пытливые глаза даже засветились в ожидании ответа.

- Стихи? – растерялась Анна Давыдовна.

- Да, вот у вас стихи... откуда приходят?

- Бог дает, - мягко улыбнулась Баратынская.

Но Ованес потребовал еще настойчивее:

- Так скажите как... как дает?

«Что же ответить ему?» - Анна очень любила этого пытливого малыша. Своих детей у нее не было – единственное, что омрачало ее счастливый брак. Она взяла Ванечку на руки, прижала к себе, принялась ходить с ним по комнате. Он смотрел на нее серьезными недетскими глазами, и, казалось, пытался увидеть душу... И Анна начала негромко:

*- По небу полуночи Ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Ванечка просиял.

- Я понял! Понял! Это... ваши стихи?

- Нет, мой мальчик. Их написал один чудесный человек... Михаил Лермонтов...

Едва произнесла она это имя, Лермонтов предстал перед ней как живой... Вспомнилось, как однажды навестил ее Михаил, принес свое стихотворение «Последнее новоселье». Попросил, чтобы Аннет, используя знакомство с представителями Царствующего Дома, похлопотала о его опубликовании. Анна обещала. Тогда они долго проговорили. У Анны сжималось сердце: ей чудилось, что Миша, неуспокоенный, внутренне постоянно терзающийся, навлечет на себя какую-то беду... Не удержалась она тогда, воскликнула горько: «Миша, вы же... гений! Вы это понимаете? Что же вы делаете с собой?... Зачем?»

Вспомнилось тут же, как втроем – Анна, брат ее и муж – провожали Мишеля на Кавказ, после дуэли с Барантом... Больше она его не видела. А рукопись «Последнего новоселья» благоговейно хранится у нее теперь, вместе с Пушкинским посвящением...

- Лермонтов умер, - сказала Анна Давыдовна вслух. – Ванечка! Помолись за раба Божия Михаила...

Вечером, когда вся большая семья собралась вместе, мальчика стали, как всегда, расхваливать наперебой. Ванечка был одет в богатый армянский костюм и смотрелся маленьким царевичем. Так ему и сказали.

- А мне ничего не нужно! – изрек вдруг Ованес. – Богатства не нужно, титулов не нужно.

- Как же? – удивился отец. – Ты же наследник всего рода Лазаревых! Единственный! Ты, милый, всех наших дел продолжатель.

- Нет! – ребенок, как юный строптивый конек, весело мотнул головой. - Я все богатства нищим раздаю.

Христофор Екимович только руками развел.

А Ованес вдруг с удивительной ловкостью, забрался на стол, лег на него и сложил на груди руки, как складывают их у покойников. Мать его тихо вскрикнула, Христофор Екимович побледнел...

В конце ноября праздновали именины супруги Христофора Екимовича, Екатерины. Ованес был рассеян, даже скучен, несмотря на всеобщее веселье. Мать, у которой из головы не выходила недавняя странная выходка сына, почувствовала, как ее охватывает предчувствие беды.

На следующий день ребенок почувствовал слабость, а к вечеру слег в сильнейшей лихорадке... В эту же ночь последний Лазарев – Иван Христофорович – умер от воспаления мозга, шести лет от роду.

«...Вот как, - думала на похоронах Анна Давыдовна, - отойдут к Богу старики Лазаревы, и не останется уже прямых потомков славного рода. Слишком яркой была их звезда, и быстро потухла, чтобы не тлеть долго-долго головешкою, в упадке и ненужности». Она глядела на маленький гробик, и скорби почему-то не было в ее сердце, напротив – какое-то

светлое, тихое, несказанно сладкое чувство вдруг овладело чуткой душой Анны Давыдовны. Вот только родителей было мучительно жаль...

Рядом рыдала восемнадцатилетняя Лиза, младшая дочь Христофора Екимовича, и бывший тут же князь Семен Абамелек, глядя на ее милое лицо, залитое слезами, обрамленное траурными кружевами, вдруг ощутил душевное размягчение, и к состраданию примешалось нечто. Лиза, почувствовав взгляд, подняла голову, встретилась взором с его светлыми глазами. И тогда Семен Давыдович взял ее руку и поднес к губам...

Примерно через год Елизавета Лазарева стала княгиней Абамелек.

...Вот что вспоминала в тихом саду виллы Гамильтон Анна Баратынская, урожденная армянская княжна Абамелек - Русская поэтесса и переводчица, творившая под псевдонимом «A Russian Lady», жаждущая познакомить поэтический мир Европы с Пушкиным, Тютчевым, Алексеем Константиновичем Толстым, Апухтиным и другими поэтами - гордостью России...

5

В 1889 году в Петербурге Анна Давыдовна Баратынская, известная в свете как хозяйка салона, патронесса благотворительных обществ, вдова сенатора генерал-лейтенанта Ираклия Баратынского, умирала от затяжной болезни.

«Анна Давыдовна слаба, - писал ее двоюродный брат, - но теперь менее страдает, а бывают дни, когда и вовсе не страдает. Боткин посетил ее вчера и нашел, что болезнь тяжелая. Ум ее по-прежнему светлый, память огромная, бесстрашие перед смертью изумительное...»

Почти каждый день посещали Анну Давыдовну Великие Княгини Царствующего Дома. Однажды прибыл с ними удивительной красоты застенчивый юноша, при появлении которого Баратынская попыталась поскорее подняться - это был сам Наследник Престола - Великий Князь Николай Александрович - Ники, как звали его родные. Ники не позволил встать старой женщине - поддержал, помог вновь опуститься в удобное кресло. Совсем обессиленная за последние дни Анна Давыдовна горячо поцеловала руку у Царевича, он - у нее.

У Ники было бесконечно доброе сердце, и он ощутил сейчас неловкость рядом с умирающей женщиной, которая так просто, таким тихим взглядом смотрит на него, и, кажется, даже читает мысли, угадывает его благоговейный трепет перед тем, что витает в этой комнате... что называют - тихим Ангелом смерти...

Но Анна Давыдовна первая заговорила. От сердца, почтительно поблагодарила за посещение.

- Большое утешение подарили вы мне, Ваше Императорское Высочество. Даже на смертном одре я этого не забуду... Да, я знаю... Боткин не дает мне надежды на выздоровление.

- Но врачи говорят то, что диктует им наука, - мягко возразил Ники, ласково касаясь старческой руки, - а истинная вера превыше всех законов природы. Говорят, Анна Давыдовна, что в Казани, где губернаторствовал ваш супруг, до сих пор вспоминают ваше большое щедрое сердце. Искренние молитвы за вас, несомненно, помогут вам сейчас.

- Отраднo слышать это, Ваше Императорское Высочество. Но чувствую, что дни мои сочтены. Я уже стара. Господь был милостив ко мне до конца – он даровал мне не бояться смерти. Я покорна Его всеблагой воле и бесконечно Ему благодарна. Не подумайте, что я не знаю за собой грехов. Увы... Хотя я всю жизнь пыталась делать добро, но суд Божий иной, нежели человеческий, и что есть в Господних очах наше добро? Но верю: коли Господь до сих пор дает мне разум и силы на молитву, то Он укрепит меня до конца и не оставит - единственно по неизреченному Своему милосердию. Помолитесь обо мне, Ваше Императорское Высочество!

- Непременнo помолюсь, - твердо обещал Царевич, прекрасное лицо которого невольнo приняло строгое и печальное выражение...

*... Часто мнится мне, что в двери
Входят стройною чредой
Все знакомые мне тени
И беседуют со мной.
Вижу милых, незабвенных,
Чую близость их сердец:
Тот, что в цветех лет и славы
Пал за истину борец;
И они, в святых сединах,
Слуги верные Христа,
Что безропотно носили
Бремя тяжкого креста...
...Преклоняю я колена,
Жду без страха жизни той,
Лишь бы те святые тени
Здесь витали надо мной...*

Господь не оставил Анну Давыдовну. Твердо и просветленно, с молитвой на устах, приняла она благую смерть, оставляя на земле многих молитвенников по своей чистой, по-восточному щедрой, по-русски богомольной Христианской душе...

*А.П. Брюллов. Анна Давидовна Абамелек-Баратынская, 1835-1838.
Бумага, акварель. 19.2 x 16 см¹⁸*

Резюмируя слово М.Кравцовой, мы осмелимся заметить, что приведенные выше биографические документально-художественные свидетельства М.Кравцовой, в какой-то мере, раскрывают позабытую временем степень «родства» и истоки взаимоотношений русского и армянского миров, которые свидетельствуют о развитии на русской почве корней, в данном случае, двух культур, русской и армянской, их взаимодополнении, взаимовлиянии и взаимодействии, продолжающихся по сей день.

---

¹⁸ *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых: (очерки). М.: Наука, 1982. С. 78-89. – 160 с.

Семен Давидович Абамелек, женившись на третьей дочери своего дяди Елизавете Христофоровне Лазаревой (1832-1904), в 1862-1885 гг. был главным распорядителем имения и заводов своего тестя графа Христофора Екимовича Лазарева, родного брата Марфы Екимовны.

Портрет князя Семена Давидовича Абамелека. 1853¹⁹
Худ. С.К. Зарянка

Абамелеки (после 1873 г. – Абамелек-Лазаревы) были в близких родственных отношениях с Хастатовыми и, следовательно, в дальнем родстве с Лермонтовым. Лермонтов по-родственному и по дружбе бывал в доме Абамелеков. К тому же С.Д. Абамелек и Лермонтов были ровесники, что объясняет близость и общность интересов молодых людей. Их интересы пересекались по службе (вместе служили в лейб-гвардии Гусарском полку на Кавказе) и увлечению живописью. Лермонтов, ровесник с С.Д. Абамелеком, по-родственному и по дружбе нередко бывал в их доме, где познакомился с сестрой Семена Давидовича, Анной Давидовной Абамелек,

---

¹⁹ ru.hayazg.info200/Абамелек-Лазарев_Семён_Давыдович

сыгравшей значительную роль в его судьбе. Для Лермонтова дом Абамелеков был тем «источником», где поэт мог увидеть не только тепло, любовь семейного очага и дружбу, но и впитать непосредственные сведения о национальных семейных традициях и взаимоотношениях поколений, об армянском языке, культуре, мире и особенностях национальной ментальности.

Интересы С.Д. Абамелека и Лермонтова пересекались по службе²⁰ (князь вместе с Лермонтовым служил в лейб-гвардии Гусарском полку на Кавказе) и увлечению живописью (писал картины на исторические темы. В своих имениях «расписывал храмы» и писал иконы: «Святой Алексей, митрополит Московский», а за картину иконического содержания «Святой Стефан Пермский» (для чёрмозской церкви Рождества Пресвятой Богородицы (в настоящее время – памятник федерального значения), построенной из камня в 1829-1836 гг. по проекту архитектора (крепостного рабочего) И.М. Подъячева в Пермском имении Лазаревых) и копии с картин К.Брюллова и Ж.-Б.Грёза в 1865 г. Российской Академией художеств С.Д. Абамелек был удостоен звания художника)²¹.

Абамелеки – выходцы из старинного рода армянского духовенства в Грузии. Это объясняет и не случайную богобоязненность С.Д. Абамелека: он развернул в своем имении активное строительство новых церквей и реставрацию старых храмов, что является распространенной многовековой традицией у армян. В светских кругах князя даже называли

---

²⁰ См.: *Аветисян Г. А.* Генералы - армяне в Российской империи. Ереван, 2007. – 395 с.; *Долбакян Э.Е.* Отечественная война 1812 года и армяне России: исторический экскурс // Московский журнал. История государства Российского. 2013. № 1 (265). – С. 60-67; *Мирзоян Г.* Абамелики – офицерская честь России // Ноев ковчег. № 11 (170). 2011.

²¹ Абамелик, Семён Давыдович // Русский биографический словарь : В 25 т. СПб.-М., 1896-1918. Т. 1. Аарон – император Александр II. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. С. 5. – 892 с.

именами святых – Зосимой и Савватием, о чем пишет Н.С. Лесков в своем произведении «Рассказы кстати. Таинственные предвестия» (1885).

Отец, князь Давид Семенович Абамелек знал несколько языков, в том числе грузинский язык и родной армянский, и по решению Давида Семеновича и Марфы Иоакимовны (урожд. Лазаревой) все дети Абамелеков обучались, среди прочих, и армянскому языку, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма 1817-1823 гг. Марфы Иоакимовны к родителям²².

Портрет М.Л. Лазарева, 1799.
Холст, масло, 62.5 x 48 см
Худ. И.П. Аргунов. Ереванская
картинная галерея, Армения²³

Тетя Акима Васильевича Хастатова по отцовской линии, Анна Васильевна Хастатова, была замужем за надворным советником

Миной (Минасом) Лазаревичем Лазаревым (1737-1809), представителем знатного армянского рода Лазаревых (армянская версия фамилии – Лазарян, Лазарианц, Газарян (Казарян), Егиазарян), где он познакомился с сестрой Семена Давидовича, Анной Давидовной Абамелек (1814-1889).

---

²² Михайлова О.И. Портреты А.Д. Абамелек // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Вып. 20. С. 66-67. – С. 65-89.

²³ nearyou.ru/argunov/argun16.html

А.Д. Абамелек владела английским, немецким, французским, греческим языками, переводила на иностранные языки русскую поэзию и считалась одной из первых красавиц Петербурга.

Анна Давидовна очень тепло относилась к своему племяннику Семену Семеновичу Абамелек-Лазареву (1857-1916), единственному сыну родного брата С.Д. Абамелека, который после смерти отца стал почетным попечителем Лазаревского института и одним из богатейших людей России. С.С. Абамелек-Лазарев был последним дореволюционным главой Армянской диаспоры Петербурга²⁴.

С.С. Абамелек-Лазарев в память своем деде участнике Отечественной войны 1812 г. Д.С. Абамелеке организовал сбор пожертвований для сооружения памятника генералу М.И. Кутузову в Москве (РГАДА: извещение о подписном листе 1914 г.)²⁵.

20 апреля 1832 г., когда А.Д. Абамелек было восемнадцать лет, Анну Давидовну назначили фрейлиной императрицы Александры Федоровны, жены Николая I. В 1835 г. А.Д. Абамелек вышла замуж за И.А. Баратынского (1802-1859; сенатор, генерал-лейтенант), брата русского поэта Е.А. Баратынского.

---

²⁴ *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых: (очерки). М.: Наука, 1982. С. 78-89. – 160 с.

²⁵ *Долгова С.Р.* Генерал Давид Абамелек-Лазарев // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XII Всероссийской научной конференции (Бородино, 6-8 сентября 2004 г.). М.: Полиграф сервис, 2005. С. 290-291. – 458 с.

Семен Семенович Абамелек-Лазарев²⁶

Высокообразованной светской красавице Анне Давидовне в разное время посвятили стихи – А.С. Пушкин («В альбом княжне Абамелек»: «Когда-то [помню, с умилением]...», 1832), И.И. Козлов («В альбом княжны Абамелек»: «Восток горит в твоих очах...», 1832), П.А. Вяземский («Княжне Анне Давыдовне Абамелек», 1833; «Еще одно последнее сказанье», 1874), Каролина Павлова, урожденная Янишь («А.Д. Баратынской», 1858), И.П. Мятлев («Княжне А.Д. Абамелек»), и др.

Лето 1836 г. А.Д. Абамелек с И.А. Баратынским проводит в расквартированных в Царском Селе военных лагерях лейб-гвардии гусарского полка, где служили также корнеты – ее брат С.Д. Абамелек и Лермонтов (прибыл 13 декабря 1834 г.; хотя он и жил в Петербурге, но приезжал в полк на учения и дежурства²⁷), о чем свидетельствует ее письмо от 10 (22) июля

---

²⁶ <http://www.ru.hayazg.info>; ru.rodovid.org/wk/Запись:255625

²⁷ Бунатян Г.Г. Город муз: Литературные памятные места города Пушкина. СПб.: Лениздат, 2001. С. 146-147. – 366 с.

1836 г., дополняемое акварельным рисунком поэта «Бивуак лейб-гвардии гусарского полка под Красным Селом» (1835)²⁸. Здесь же, в Царском Селе, другая родственница Лермонтова, вдова кавказского генерала Ф.И. Ахвердова Прасковья Николаевна Ахвердова (урожд. Арсеньева) жила летом 1835 г. на своей даче, куда Лермонтов заезжал по-родственному, о чем сообщается и в письме Е.А. Арсеньевой: «Я часто выдаюсь с... Прасковьей Николаевной»²⁹.

Участие Анны Давидовны в судьбе Лермонтова очевидно, как и отношение высшего света к ней в связи с ее стремлением помочь молодому дарованию поэта в сложившихся обстоятельствах. Через несколько лет после гибели Пушкина у Лермонтова повторилась подобная дуэльная история: он дрался на дуэли с сыном французского посла Эрнестом де Барантом на том же месте, на Черной речке; по указанию императора сына посла выслали из России, а Лермонтов должен был ехать на Кавказ.

А.Д. Абамелек-Баратынская пыталась облегчить уготованную тем же указом участь опального Лермонтова. Расположение великой княгини Елены Павловны, супруги великого князя Михаила Павловича, также не повлияло на положительный исход дела и, в результате проявленного «излишнего усердия» Анны Давидовны, Ярославский губернатор, участник Русско-турецкой войны 1828—1829 гг., генерал-майор И.А. Баратынский высочайшим повелением был назначен Казанским военным губернатором «с управлением и гражданскою частию»³⁰.

---

²⁸ Михайлова О.И. Портреты А.Д. Абамелек // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Отделение лит. и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Вып. 20. С. 75-76.

²⁹ Бунатян Г.Г. Город муз... С. 149.

³⁰ Об этом: Баратынский, Ираклий Абрамович // Русский биографический словарь : В 25 т. СПб.-М., 1896-1918. Т. 2. Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб.: тип. Главного упр. уделов, 1900. С. 494-496. – 796 с.

Теплота дружеских отношений, наблюдательность Лермонтова и его поэтическое дарование отражены в автографе его стихотворения «Последнее новоселье» (1841). Поэт знал об известности дальней родственницы в высших кругах и рассчитывал на помощь и содействие в публикации этого стихотворения. Лермонтов окончил школу Гвардейских прапорщиков в 1834 г., а стихотворение «Последнее новоселье» было написано в марте-апреле 1841 г., что свидетельствует о продолжительности знакомства и дружбы Лермонтова с петербургской армянской семьей и оправданной смелости поэта подарить фрейлине автограф названного стихотворения.

В конце XIX в. С.А. Рачинский писал о своей влиятельной родственнице: «Эта шутка остроумного автора «Курдюмовой» (имеется в виду макароническое стихотворение поэта-юмориста И.П. Мятлева – *М.А., А.А.*) была обращена к моей тетке Анне Давидовне Баратынской, известной в свое время красавице, воспетой Пушкиным и Козловым. Не одной красотой отличалась Анна Давидовна, но также – умом и любезностью и немалым стихотворным талантом. А.Д. Абамелек-Баратынская оставила след в культурной жизни России. Прекрасные ее переводы из поэтов германских и английских печатались в современных изданиях и были собраны в книжечке, изданной за границей»³¹.

Армянская красавица А.Д. Абамелек-Баратынская стала первой в истории России профессиональной женщиной-переводчицей (известна под псевдонимом «a Russian Lady»). В Бадене были опубликованы две книги Абамелек-Баратынской – книга на русском языке «Переводы немецких, английских и французских стихотворений» (с произведениями Гейне, Лонгфелло, Мура) и, вторая, на английском языке «Переводы русской леди из русских и немецких поэтов», куда были включены произведения Пушкина, А.Толстого,

---

³¹ *Амирханян М.Д.* Пушкин и Армения. Ереван, 2012. С. 70-71. – 116 с.

Лермонтова, Тютчева, Апухтина, Козлова, Гейне, Гейбеля, Фрейлиграта³².

Абамелек-Баратынская, сама читая «стихи художественно», в письме к Я.К. Гроту от 14 мая 1880 г. писала: «Я переводила для иностранных друзей то, что помнила наизусть, была одна и судьей, и корректором своих трудов – не судите меня строго и примите уверения душевного уважения переводчицы»³³.

Встречи и беседы с А.А. Хастатовым, как и покровительство, дружба и общение с Абамелеками, а позднее и с другими друзьями и родственниками из армян, оставили богатые впечатления и дали такой же богатый материал для творчества, который Лермонтов, безусловно, использовал в своем художественном слове.

1837-ой, 1840-ой и 1841-ый – годы пребывания Лермонтова в Пятигорске. Эти годы жизни поэта наполнены огромных впечатлений и встреч.

В 1837 г. Лермонтову доставило немало хлопот и неприятностей распространившееся в списках стихотворение «Смерть поэта» («На смерть Пушкина»). Против поэта было возбуждено дело, в результате чего высочайшим повелением он должен был покинуть Петербург и выехать в Нижегородский Драгунский полк в Тифлисе. Так Лермонтов в марте 1837 г. выехал на Кавказ. Дорога была длинной и изнурительной. В пути он простудился и заболел. Из Ставрополя Лермонтова направили на воды, в Пятигорск на лечение.

В 1837 г. в Пятигорске Лермонтов встречается с В.Г. Белинским «в доме Варлаама Карповича Арешева (Арешяна)» – отставного капитана, дворянина знатного армянского рода, предводителя Кизлярского уездного дворянства, жителя и

---

³² См.: *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов // Русская литература. 1963. № 4. С. 142-151.

³³ Баратынский, Иракий Абрамович // Русский биографический словарь... С. 66.

домовладельца в Пятигорске³⁴. В конце мая поэт был уже здоров и в сентябре он выехал в Анапу, откуда и отправился в Нижегородский полк в Тифлисе, где встретился с генералом А.Г. Чавчавадзе, с переведенными в кавказскую армию А.И. Одоевским и другими декабристами. Будучи на Кавказе, вместе с отрядом полка Лермонтов побывал в некоторых городах Закавказья: Шуше, Шемахе, Кубе и других.

Ссылка на Кавказ стала для Лермонтова богатым творческим источником. Он написал первую редакцию «Демона», горскую легенду «Беглец» и ряд других сочинений.

Накапливаемые поэтом впечатления создают качественно новый толчок в творчестве, расширяя реальность и ее видение.

Встречающийся в раннем творчестве Лермонтова армянский мотив – в «Грузинской песне» (1829) – на первый взгляд, казалось бы, неприметный, однако события в стихотворении развиваются в необычном для армянского этноса, но увлекательном сюжете о грозном и ревнивом старце-армянине, в поступках которого есть прозорливость, и в то же время, жестокость и месть.

*Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился:
Ах! ею старый армянин
Гордился!
Вокруг неё кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины*

---

³⁴ См.: Асадов Ю.А. 1000 офицерских имен в армянской истории. Историко-биографические очерки. Краткая пофамильная энциклопедия армянских офицеров до 1917 года. Изд. 2-ое, дополн. и переработ. Пятигорск: Фонд «АПАКиДРиФ», 2004. – 300 с.

*У старика.
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же?
Скрываются красы как
тень.
О боже!
Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но все любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл, между ресниц, порой
Не бился...
Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенести!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал!
И труп преступницы волнам
Он предал.*

В этой песне Лермонтова описана традиция чужой бытовой культуры – у армян никогда не было гаремов, это чужеродный обычай.

Впоследствии Лермонтов в автографе писал: «Слышано мною нечто подобное на Кавказе». Приписка напоминает пребывание Лермонтова в имении своих родственников Хастатовых близ станицы Шелковской на Тереке, где в те годы жили несколько десятков грузинских и армянских семей. Лермонтов здесь, пожалуй, и слышал песню, которая послужила основой

этого стихотворения³⁵. К этому же вопросу обращался ранее и Андроников³⁶.

По мнению Очмана, «бродячий» сюжет с персонифицированными образами наложницы «грузинки молодой» и ревнивого мужа «старого армянина» привязан к «реалиям, с которыми был непосредственно знаком – пусть в раннем возрасте – Лермонтов. Неточная во всех смыслах пикантная деталь – “душный гарем”, да еще якобы томящаяся в нем грузинка (такое явление для сколь угодно богатого христианина-армянина невозможно и немыслимо) – привлечена <...> для усиления драматического эффекта. <...> Перед нами прежде всего поэтический ученический опыт разработки любовного сюжета с “национальной” подоплекой»³⁷.

В стихотворении «Поэт» (1837-1838) Лермонтов затронул мысль о высоком назначении поэта и поэзии, сравнивая слово поэта с кинжалом, блистающим «отделкой золотой», который много лет служил наезднику в горах, прорывая кольчуги и оставляя след на груди противника. Кинжал был

*...взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина (I, 36).*

Где мог видеть Лермонтов «походную лавку армянина»? Реальность это или вымысел?

Армяне, лишившись государственной, политической и экономической независимости у себя на родине, уезжали, спасая свои жизни, в разные места. В России переселенцы-армяне

---

³⁵ Амирханян М.Д. Россия и Армения. Очерки русско-армянских литературных отношений. Ч. 1. Ереван: Асогик, 2003. С. 155-160. – 298 с.

³⁶ Андроников И. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М.: Сов. писатель, 1955. С. 161. – 268 с.

³⁷ Очман А.В. Лермонтов и Армения: точки соприкосновения // М.Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы. Ереван: Издательский дом Лусабац, 2011. С. 184. - 226 с.

занимались земледелием, садоводством, виноделием, различными ремеслами, торговлей. Лермонтов, будучи на Кавказе неоднократно еще с детских лет, затем в зрелом возрасте, не раз мог видеть, встретить торговые караваны армян, их «походные лавки», запечатлевшиеся в памяти и воплощенные поэтом в стихотворении в дальнейшем. В черновом автографе стихотворения «Поэт» читаем:

*В серебряных ножнах блистает мой кинжал,
Геурга старого изделие.
Булат его хранит таинственный закат,
Для нас давно утраченное зелье. (II, 279).*

В восточной повести «Демон» также присутствует мотив, отражающий реальную армянскую картину:

*Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной (I, 189).*

В стихотворении «Кинжал» (1838) в армянском мотиве, отражающем особое отношение, уважение к мастерству в оружейном деле и, благодаря строке о полученном от любимой даре (кинжале), развивается традиционный для армян (и грузин) сюжет о любви и скрытой тайне чувств:

*Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на мечь тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.
Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья, <...>
Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,*

Как ты, как ты, мой друг железный.

В наброске «Я в Тифлисе у Петр. Г.» (VI, 383, 626) Лермонтов пишет: «Я снял с мертвого кинжал для доказательства. Несем его к Геургу. Он говорит, что делал его русскому офицеру» (VI, 383)³⁸. Как видим, подразумеваемые в «Кинжале» имя и «дело» Геурга имеет не только метафорическое значение. В одной из редакций автографа и окончательной версии «Поэта» читаем:

*Отделкой золотой блистает мой кинжал... (VI, 118)
...Но этот золотой узор и хитрая резьба
Его ножен не украшал... (VI, 279).*

Эти штрихи, несомненно, говорят о реально существующем человеке и об армянском источнике сюжета стихотворения «Поэт».

Лермонтов, будучи в Тифлисе, посещал мастерскую известного оружейных дел мастера и большого знатока секретовковки оружия, армянина Геурга Саркисовича Элиарова (Элиазаров; Геворк Элиазарян или Елиарян), где подолгу наблюдал за его работой. В 1850 г. Геург Элиаров за «отличную отделку» своего оружия был награжден кузнечным мехом.

В XIX веке мастерские ремесленников, и оружейники в том числе, формировали организации по профессиональному признаку, одна из которых и была основана Геурком (даты жизни неизвестны). Известен адрес его мастерской в собственном доме, указанный в «Кавказском календаре» 1852-1855 гг. – Атаманская улица. Имеется также свидетельство М.И. Несмашной, правнучки оружейника: «М.Ю. Лермонтов

---

³⁸ Андроников И. Лермонтов: Исследования и находки. 4-е изд. М.: Худож. лит., 1977. – 647 с.

бывал в его мастерской и подолгу наблюдал за ковкой оружия»³⁹.

В Тифлисе и в грузинских областях ремесленники объединялись в амкарства (цеха), представляющие собой и место изготовления, и торговые лавки, которые находились на Армянском базаре. В Эривани, Александрополе и Шуше оружейным делом занимались лишь христиане, т.е. армяне, тогда как мусульманские народы лишь собирали подати и повинности. К тому же в амкарствах была принята негласная традиция – один день в неделю работать на общественных началах, и обычно этот день работники амкарства посвящали строительству армянской (или грузинской) церкви.

Как подтверждает Э.Г. Аствацатурян, династия оружейных дел Элиазаровых, основанная Геургом (Геворком), была известна в Тифлисе, о чем свидетельствует письмо от 27 июня 1817 г., которое получил главнокомандующий Кавказским фронтом с 1815 по 1827 гг. генерал А.П. Ермолов от великого князя Константина Павловича: «Имею честь получить... азиатскую саблю работы художника Геурка, я приятным долгом обязываюсь обратиться к Вам за оное и за память старинной дружбы с истинною моею благодарностью. Прошу Вас... поблагодарить от меня полковника Ермолова... за саблю Геурга»⁴⁰.

Известно также, что армянский мастер Геург поставлял оружие императорскому двору при Александре I и Николае I и обязательно делал надписи «Работал Кеурк», «Мастер Георг Тифлисский» или «Работа оружейника Его Величества».

В настоящее время дошедшие до нас экземпляры, с подтверждающими авторство оружия изображениями и надписями, бережно хранятся в Государственном Эрмитаже, Историческом музее в Москве, музее «Царское Село», кинжал

---

³⁹ Андроников И. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М.: Сов. писатель, 1955. С. 123.

⁴⁰ См: Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа: история оружия. М.: Хоббикнига, 1995. С. 166-180. - 192 с.

и шашка Лермонтова – в музее ИРЛИ (Пушдом) и других музеях. В Дагестанском музее хранится шашка с надписью «Е.И.В. Оружейникъ Геуркъ», которая, по легенде, принадлежала предводителю кавказских горцев Шамилю⁴¹.

В одной из частей романа Лермонтова «Герой нашего времени», в повести «Максим Максимыч», встречаются безымянные армяне в картине приезда автора во Владикавказ, где он должен был ждать оказии, с которой мог бы поехать в Екатеринодар. В это же время в гостиницу приехал и Максим Максимыч. В конце «сырого и холодного» дня, когда «беловатый туман начинал расходиться», они наблюдали, как во двор въехали «несколько повозок с грязными армянами, за ними пустая дорожная коляска. За нею шел человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лакея, в его звании нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, с которой он вытряхивал золу из трубки и покрикивал на ямщика. Он явно был балованный слуга ленивого барина – нечто вроде русского фигаро.

– Скажи любезный, – закричал я ему в окно, – что это – оказия пришла, что ли?

Он посмотрел довольно дерзко, поправил галстук и отвернулся; шедший возле него армянин, улыбаясь, отвечал за него, что точно пришла оказия»⁴².

Если учесть, что в основу глав «Бэла» и «Фаталист» легли события, рассказанные дядей, богатым кизлярским армянином А.В. Хастатовым (мужем сестры бабушки Лермонтова, Екатерины Алексеевны Хастатовой-Столыппиной, у которых, как сказано выше, маленький Мишель Лермонтов бывал неоднократно, то можно утверждать, что в основе главы «Максим Максимыч» также лежат реальные события. Услышанные в доме Хастатовых рассказы о русско-турецкой

---

⁴¹ Там же.

⁴² Лермонтов М.Ю. Собр.соч.: В 4 т. / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979-1981. Т. 4. С. 43.

войне 1787-1791 гг. и участии мужа сестры бабушки, Акима Васильевича Хастатова, в исторических битвах легли в основу поэмы «Измаил-Бей». Отметим, что другом и сослуживцем А.В. Хастатова был кабардинский князь Измаил-бей Атажукин, предполагаемый прототип героя поэмы.

Предприимчивая и властная Екатерина Алексеевна после смерти мужа покупает земельные участки и, несмотря на постоянные набеги горцев, в новых уделах строит дома «на Горячих и Кислых водах» (в настоящее время – Пятигорск и Кисловодск).

Как отмечалось выше, дети Хастатовых – Мария (в замужестве Шан-Гирей), Анна и Аким – до последнего дня жизни поэта поддерживали с ним дружеские связи. Мария Акимовна, поселившаяся в Апалихе (около Тархан), подружилась с матерью Лермонтова до рождения племянника, и после смерти сестры заботилась о нем, особенно когда в 1818 году Лермонтов впервые приезжает на Кавказ, и всячески опекает его в дальнейшем, когда переезжает в 1827 году в Москву (сохранилось четыре письма из их переписки). Это подтверждается первой пейзажной зарисовкой поэта в ее альбоме.

Теплая дружба с родственником, дядей Акимом Акимовичем Хастатовым, имела большое значение на формировании впечатлений о Кавказе, особенно в период первой ссылки, с 1837 года. Рассказы Акима Акимовича, по мнению Висковатого, в дальнейшем легли в основу повестей «Бэла» и «Фаталист»: «В основании рассказа «Бэла» лежит происшествие, бывшее с Хастатовым, у которого действительно жила татарка этого имени. Точно так же «Фаталист» списан с происшествия, бывшего с Хастатовым в станице Червленая»⁴³.

Лермонтов тесно общается с Хастатовым и в Петербурге, в феврале 1840 г. Аким Акимович передает В.Одоевскому

---

⁴³ Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – М., 1989 (Репринтное издание 1891 г.). С.263.

записную книжку, которую он подарил поэту перед отъездом последнего на Кавказ в апреле 1841 г. На ней «говорящая» надпись: «Поэту Лермонтову дается сия старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную»⁴⁴, что зафиксировано и в записи Одоевского: «Сия книга покойного Лермонтова возвращена мне Екимом Екимовичем Хастатовым – 30-го декабря 1843 года»⁴⁵.

Интересная биографическая подробность в «Княжне Мери», рассказанная в одной из сцен, в которой Печорин сообщает о месте встречи с княжной: «Вчера встретил ее в магазине Челахова». Упомянутый Лермонтовым магазин армянского купца 3-ей гильдии Никиты Артемьевича Челахова (Челахан; 1803-1851; родом из Нахичевани), действительно имел книжный «отдел», в котором покупателям предлагались, кроме прочего, книги и свежая периодическая печать, журналы.

С 1825 года армянский купец торговал в Тифлисе и, переехав в скором времени в Горячие Воды, магазин Челахова на новом месте, благодаря богатому разнообразию выставленных товаров, приобрел большую популярность, в том числе и среди приезжающих на воды. Лермонтов, когда приезжал в Пятигорск в 1837, 1840, 1841 гг., был постоянным клиентом Челахова. Магазин, в котором можно было найти и модные товары, и разную продукцию, так и назывался – «Депо разных галантерейных, косметических и азиатских товаров».

Здесь же в Пятигорске Лермонтов посещал армянский дом кизлярского помещика Варлаама Карповича Арешева (Арешяна). Титулярный советник и предводитель местного дворянства Арешев в 1822 г. получил земельный надел на Горячих Водах, построил дом и сдавал его отдыхающим. Это было одно из красивейших частных зданий. По предположениям, некоторые помещения дома Арешева арендовал для своего магазина Челахов. Расположенный на

---

⁴⁴ Лермонтов М.Ю. Указ. Собр.соч. Т. 4. С. 352.

⁴⁵ *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003. С. 546.

главном бульваре дом с магазином Челахова посещали Н.В. Станкевич и В.Г. Белинский. Университетский приятель поэта Н.М. Сатин, в 1837 году снимавший жилье у Арешева, вспоминал, что в этот 1837 год «у него» состоялась первая встреча Лермонтова с В.Г. Белинским «в доме Варлаама Карповича Арешева»⁴⁶.

* * *

Особый интерес представляет армянский генезис лермонтовской сказки «Ашик-Кериб», вызывающий споры и в настоящее время, в написании которой, безусловно, явно высвечивается армянский след, к чему мы обратимся подробнее⁴⁷.

А.Очман также справедливо заметил, что «в записанной Лермонтовым в Тифлисе сказке «Ашик-Керб» неявна, но ошутима армянская аура»⁴⁸.

Об источниках сказки, в том числе и армянских, писали и пишут, но, на наш взгляд, наиболее полные и объемлющие аргументы в пользу армянского источника лермонтовской сказки даны в исследовании А.М. Амирханян и Е.В. Белоусовой ««Ашик-Кериб» М.Ю. Лермонтова: контент оригинального текста и соответствие композиций», основные фрагменты которого считаем целесообразным привести.

В 1837 году, во время первой ссылки на Кавказ М.Ю. Лермонтов около двух месяцев, с середины октября по начало декабря, провёл в Тифлисе. Там он записал сказку «Ашик-

---

⁴⁶ Очман А.В. Лермонтов и Армения: точки соприкосновения // М.Ю.

Лермонтов: русская и национальные литературы. Ереван: Издательский дом Лусабац, 2011. С. 177-190.

⁴⁷ Здесь дается полная версия статьи А.М. Амирханян и Е.В. Белоусовой, в которой обстоятельно исследованы убедительные доказательства в пользу армянского первоисточника сказки. См.: А.М. Амирханян, Е.В. Белоусова. «Ашик-Кериб» М.Ю. Лермонтова: контент оригинального текста и соответствие композиций // Сб. «Творчество М.Ю. Лермонтова: Диалог культур». Ереван: Изд. дом Лусабац, 2014. С. 59-79. – 202 с.

⁴⁸ Очман А.В. Лермонтов и Армения: точки соприкосновения. С. 187.

Кериб». Вопрос о правомерности общепринятого в лермонтоведении мнения об источниках сказки М.Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» обсуждается более полутора веков, начиная с первой публикации «восточной сказки» в 1846 году в альманахе «Вчера и сегодня» (кн. II), составленном В.А. Соллогубом, в который были также включены еще десять произведений Лермонтова⁴⁹.

Версии первоисточника лермонтовского произведения до сих пор вызывают споры. Неоднократные обращения ученых не дают единого и окончательного мнения о том, как в лермонтовском наследии появился сюжет о странствующем музыканте. В своем армянском переводе произведения Ст. Назарян в подзаголовке сказки, вместо лермонтовского, приводит следующее уточнение – «о несчастном влюбленном». На лермонтовский сюжет, известный в сказаниях кавказских народов, обращали внимание С.А. Андреев-Кривич, В.А. Гордлевский, И.Л. Андроников, Р.Р. Орбели, В.А. Мануйлов, С.К. Даронян, В.Э. Вацуро, Г.В. Москвин, А.В. Очман и др. Вопрос о первоисточнике лермонтовской сказки осложняется также тем, что поэт не вел дневника и не сохранял черновиков, его письма, за исключением известных 54-х, пропали бесследно⁵⁰.

Решение вопроса о первоисточнике сказки затрудняется также разрозненностью набросков и записей Лермонтова, в связи с чем «исследователи располагают единственным наиболее полным опубликованным вариантом»⁵¹ сказки – тюркским дастаном и версиями армянского и грузинского пересказов, «более поздними, чем запись Лермонтова»⁵².

Ссылаясь на генезис лермонтовской сказки, В.А. Мануйлов, И.К. Ениколопов, Н.К. Дмитриев, Е.Э. Бертельс, С.К. Даронян

---

⁴⁹ Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981. С. 519.

⁵⁰ Там же. С. 416.

⁵¹ Даронян С.К. «Ашик-Кериб» Лермонтова и армянские записи сказания // «Вестник общественных наук». АН АрмССР, 1974. № 4. С. 80.

⁵² Там же. С. 80-81.

и др. справедливо отмечают в тексте произведения «определенные арменизмы», которые в большей степени указывают на христианский контент и «мотивы армянской версии». Ученые утверждают, что Лермонтов «в данном случае <...> следует армянскому варианту»⁵³. Позднее И.Л. Андроников и др., сопоставив существующие версии фольклорных сказаний народов Закавказья, Ближнего Востока и Средней Азии, высказывают мнение, что «лермонтовское изложение значительно отличается от текста сказки, записанной в Шемахинском районе»⁵⁴. Кроме того, «не совпадают <...> имена»⁵⁵, и совпадает у Лермонтова «только один эпизод – возвращение Ашик-Кериба в Тифлис, от встречи с чудесным всадником до разговора со слепой матерью»⁵⁶ (*Подч. нами. – М.А., А.А.*). На этот факт следует обратить внимание.

Имя как знак и семиотический код культуры представляет особую трудность исследования художественного произведения в парадигме *язык-человек-история-культура*, так как семантика ономастикона не только транслирует, но и формирует конкретную структуру образа и воплощает образную, коммуникативно-топонимическую модель в тексте: «Взаимодействия языка <...> есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями, и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком»⁵⁷.

Тайна и мистика следовали за Лермонтовым при его жизни; когда его не стало, возникли попытки искать ответы на ощупь, придавая очередной версии более-менее правдоподобный вид.

Так случилось и с «Ашик-Керибом», названным автором «турецкой сказкой». Следует отметить, что до сих пор не

---

⁵³ Мануйлов В.А. М.Ю. Лермонтов и его запись сказки об Ашик-Керибе // Ашик-Кериб. Л., 1941. С. 28.

⁵⁴ Андроников И. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1977. С. 353.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 355.

⁵⁷ Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2004. С. 36.

выяснено, что имел в виду поэт под названным подзаголовком. По предположению И.Ениколопова, «определение “турецкая сказка” можно объяснить армянским языком, который под словом “турк” подразумевает азербайджанца, тогда как османских турок называли “гачик”»⁵⁸. Поскольку имя героя дано в тюркском варианте, исследователи выдвинули гипотезу, что сказку мог рассказать живший в Тифлисе тюркский поэт и философ Мирза Фатали Ахундов, с которым поэт мог иметь встречу⁵⁹. Как выглядел оригинал этой сказки, неизвестно. Известно лишь, что Лермонтов проявлял интерес к фольклорным произведениям, слушал песни и устные пересказы кавказских преданий, а писатель В.А. Соллогуб, который был в «приятельских»⁶⁰ [35: 519] отношениях с поэтом, после смерти Лермонтова нашел рукопись «Ашик-Кериба» и опубликовал в названном выше альманахе «Вчера и сегодня».

В Большой Российской Энциклопедии написано, что «Ашик Гариб» – повествование, народный «дастан» тюркского происхождения «о любви бедняка-поэта Гариба к красавице Шахсенем из зажиточной семьи»⁶¹, который, вероятно, сложился к XVI–XVII вв. и известны «многочисленные варианты сюжета».

И действительно, есть сюжеты и их «многочисленные варианты», распространённые главным образом в средневековье, армянском, грузинском фольклоре, в народных песнях тюркоязычных племен и народов, известны и другие древние варианты этого сюжета в ряде устных произведений и переложений в истории европейской литературы и фольклора. (У Лермонтова тюркские языки отмечаются как *татарский язык*⁶²: в письме 1837 года к С.А. Раевскому Лермонтов

---

⁵⁸ Лермонтов М.Ю. Ашик-Кериб. Тбилиси, 1941 / И.К. Ениколопов: Послесловие. С. 15.

⁵⁹ Лермонтовская энциклопедия. С. 42.

⁶⁰ Там же. С. 519.

⁶¹ Большая Российская Энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 593.

⁶² Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. / Под общ.ред. И.Л. Андроникова, Д.Д. Благого, Ю.Г. Оксмана. М.-Л.: ГИХЛ, 1958–1959. Т. 4 . С. 782.

пишет: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться...»⁶³.)

По замечанию И. Андроникова, «лермонтовская транскрипция расходится со всеми распространенными <...> вариантами, в том числе и шемахинским, и оказывается ближе к грузинским и армянским вариантам»⁶⁴. Об армянских и грузинских версиях сказки писали также Р.Р. Орбели⁶⁵, В.Э. Вацуро⁶⁶ и другие.

Данная точка зрения подтверждается и при более детальном изучении материала, так как есть сюжеты и многочисленные их варианты, распространенные главным образом в эпоху армянского средневековья — еще в айренах (вершинных произведениях армянской средневековой любовной лирики, представляющих собой небольшие четверостишия) армянских поэтов как вершинном явлении армянской любовной лирики, насчитывающей свою историю с X века, встречается образ *супруг-гариб*. В айренах библейские образы и сказочные мотивы сочетаются с реальным чувством и реальной историей любви.

Наличие разнообразия вариантов приводит к желанию познакомиться хоть с одним из первоисточников. И если сюжет отражен в языковой культуре, т.к. «язык есть одно из культурно-исторических условий, определяемых предшествующей традицией и современными отношениями»⁶⁷, который, исходя из существующей модели, сюжета, отражает «ненаследственную память коллектива»⁶⁸ и существует в языковой культуре кавказских народов, почему до сих пор не опубликованы в

---

⁶³ Там же. С. 450-451

⁶⁴ Андроников И. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1977. С. 361.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Вацуро В.Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М., 2008. С. 448.

⁶⁷ Винокур Г.Т. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 75.

⁶⁸ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 21.

качестве научного комментария к лермонтовскому «Ашик-Керибу»? Возможно, их просто нет? Оказывается, есть, и при проведении сопоставительного анализа текстов, типологии лингвистических особенностей и литературоведческих аналогий лермонтовского текста с наиболее близким по духу христианским текстом армянского раннего средневековья, т.н. «золотого века» древнеармянской литературы, становится заметна одна особенность лермонтовского текста. Его уникальность выходит за все упомянутые выше национальные, конфессиональные, временные и жанровые рамки: сюжет о бедном ашуге известен из **древней армянской житийной литературы** и датируется концом IV – началом V века.

В защиту нашей гипотезы есть неоспоримый факт. Одним из наиболее почитаемых святых в Армении является мученик Сурб Саркис (Святой Саркис), полководец войска императора Константина Великого, живший в IV в., покровитель влюблённых. Его в народе часто называют «осуществляющим заветную мечту», ему посвящен древний армянский христианский праздник влюбленных Терендез, или Трндез, напоминающий русскую Масленицу и западноевропейский праздник День Св. Валентина, так как главные в этом празднике любви и верности – только что венчанные супружеские пары или готовящиеся вступить в брак юноши и девушки.

Когда к власти в Римской империи пришёл Юлиан Отступник, христианин Саркис с сыном Мартиросом и 14-ю преданными ему воинами удалились в Армению, где были приняты царём Тираном II. Под воздействием его проповедей о Христе многие в Армении приняли христианство. Как опытный воин он был послан Тираном в Персию. Её правитель Шах Шапух стал склонять его к огнепоклонству. За отказ Саркис был усечён мечом в 367 г. Почитание святого мученика началось вскоре после его кончины; тогда же было написано его житие, в котором есть и такое предание: Бедный Ашуг Гариб любил Шах-Санаме – дочь одного богача. Девушка тоже любила его, но Ашуг был беден, и отец девушки был против их

брака, т. к. прочил её в жёны богатому человеку. Тогда Ашуг Гариб решил отправиться в чужие края и там честным трудом заработать себе состояние. Но перед этим он заручился клятвой своей возлюбленной, что та семь лет будет ждать его. Он поставил ей условие, что если он опоздает с возвращением хотя бы на один день, то она вольна выйти замуж за другого по желанию отца.

Трудные семь лет провёл Ашуг Гариб на чужбине. Будучи лишённым возможности видеть Шах-Санаме, не имея никакой весточки о ней, он всё же не отчаивался, но с надеждой ждал того дня, когда они снова встретятся.

Трудясь день и ночь, Ашуг сумел накопить состояние и пустился в путь домой. В пути он столкнулся со многими трудностями и испытаниями. Казалось, что вот-вот надежда покинет его, что он не успеет к любимой. Встревоженный этим, он в пламенной молитве с просьбой о помощи обращается к Сурб Саркису. Святой, вняв молитве влюблённого, сразу явился ему в вихре пурги на белоснежном коне, посадил его рядом с собой и в одно мгновение домчал к Шах-Санаме. Тогда отец девушки, видя его твёрдость, благословил их союз.

В Примечаниях к «Ашик-Керибу» сказано: «Ашик (правильнее ашык: армянская форма – ашуг) – в первоначальной форме по-арабски означает “влюбленный”»; заметим, что значение слова *ашуг* в армянском языке расширяется – это также «трубадур, лирический певец, позже — вообще “народный певец”; Кериб (по-турецки было бы гариб) — чужеземец, скиталец, бедняк».

Следует учесть следующие лингвистические особенности: в армянском языке – աշուղ [ashu'gh]– означает не что иное, как «народный певец»⁶⁹; лермонтовская форма имени Ашик в армянском языке может являться производной формой, уменьшительно-ласкательной, сокращением от одного из традиционных армянских имен, полная форма которых звучит *Ашот, Аршавир, Аршак*, и т.п. (отметим, *Ашик* как

---

⁶⁹ Армянско-русский словарь. Под ред. Е.Г. Галстян. Ереван, 1987. С. 64.

сокращенная форма, напр., от *Ашот*-а весьма распространена в разговорной речи и в настоящее время); Гарибян – одна из наиболее распространенных арм. фамилий и в наст.вр.

Фамилии, известно, являются производными от собственного имени прародителя рода или могут отражать род деятельности прародителя; в данном случае Гариб – Ղարիբ [ghariˈb] – в толковых словарях армянского языка объясняется как «օտարերկրացի» - «чужеземец» (о чем говорится выше), в переводе с армянского: «странник, покинувший родину, родное село в поисках заработка (отхо́дник)»⁷⁰.

В лермонтовском тексте очевидна трансформация армянского «ղ» [gh] в русское «г». Если первая часть имени (Ашуг-Ашик) может пониматься «по роду деятельности» как нарицательное существительное, то вторая (Гариб) в контексте является собственным именем, что обыгрывается в сюжете сказки, когда ослепшая от горя мать в диалоге с вернувшимся певцом называет его Кериб, а мать воспринимает его имя в нарицательном значении – скитающийся бедняк, странник.

Эта лингвистическая игра слов в имени встречается и в грузинском языке, говоря, например, об известном народном певце Глахо Захария (1905-1992) глахо - გლახო - бедняк), исполнителе песен Саят-Новы и других ашугов, в имени которого первая часть означает «бедный», «бедняк», применительно к выходцам из простонародья. Итак, налицо прямая сюжетная параллель отмеченного эпизода с «Ашик-Керибом».

Лермонтов как художник украсил житийную форму художественным содержанием, переименовал Шах-Санаме в Магуль-Мегери и оставил почти без изменения имя Ашуга-певца. Однако это совпадение ещё не даёт права говорить о том, что Лермонтову был известен именно этот, самый древний первоисточник не только его сказки, но и тюркских и прочих вариантов, отнесённых в область фольклора.

---

⁷⁰ Там же. С. 443.

В пользу армянской христианской, как и армянской дохристианской версии говорит важная фактографическая деталь: в мире ислама **нет почитания святых и запрещается изображение ликов святых**. И если лермонтовский сюжет перекликается с армянским преданием, в котором «волшебные» силы (всадник на белом коне) даны без особого ореола «святости», то это по причине того, что известно, как на армянской земле веками хозяйничали мусульманские племена, как в армянских домах запрещалось говорить и петь песни на родном языке; этим обстоятельством объясняется и отсутствие в христианской религии армян иконописи, сохранившейся, правда, в армянской миниатюре.

Этим также объясняется тот факт, что сюжет, заимствованный из ранней истории Армянской Церкви, построен на неармянском ономастиконе (и в случае с лирикой Саят-Новы особенно, о чем ниже) и был лишён в нехристианском, иноконфессиональном варианте его «житийного» окружения и преображён в элемент средневекового фольклора как формы «смешанного» внутриэтнического сюжета, что может заинтересовать специалистов этнографической науки.

Авторы интерпретации не стали менять имена персонажей, и Шах-Санаме из армянского сказания приобрела свою общетюркскую «тёзку» Шахсенем, и Ашуг Гариб при переложении на иную языковую «почву» трансформируется и первоисточник подвергается фонетическим изменениям в соответствии с законами другого языка, приспособиваясь к новой речевой среде – так первоначальное звуковое оформление стало звучать как Ашик-Кериб.

В Тифлисе, осенью (ноябрь – декабрь) 1837 г. Лермонтов писал в Петрозаводск своему другу и родственнику С.А. Раевскому (он был крестником бабушки Лемонтова): «Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди

очень порядочные»⁷¹. В многонациональном Тифлисе большинство населения составляли издавна, с V в., – со времени правления царя Вахтанга Горгасала – именно армяне, отличавшиеся порядочностью, честностью, образованностью. Недаром до 1917 г. на многие административные посты в грузинской столице избирались знатные армяне.

Среди «хороших ребят» Лермонтов мог встретить немало армян, а может быть, и выходца из старинного и знатного рода Абовенц Хачатура Абовяна – известного просветителя, автора исторического романа «Раны Армении» (на разговорном армянском языке – ашхарабаре), положившего начало новой армянской литературе и литературному языку.

В том же в 1837 году Х.Абовян, по сведениям биографов, был в Тифлисе (будучи этнографом и педагогом, с 1837 по 1843 гг. он, получив должность смотрителя местного уездного училища в Тифлисе, открывает частную школу для подготовки учителей народных школ). Его яркая личность, разностороннее образование и интерес к языкам и культуре разных национальностей, которые всегда бытовали в Тифлисе, не могла не привлечь к нему Лермонтова.

Портрет Х.Абовяна.

Худ. Фридрих-Людвиг фон Майдел. 1830 г., Дерпт.

---

⁷¹ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. / Под общ.ред. И.Л. Андроникова, Д.Д. Благого, Ю.Г. Оксмана. – М.-Л.: ГИХЛ, 1958–1959. Т. 4 . С. 403-404.

К тому же, одним из значительных вариантов сказки является «запись, сделанная еще при жизни Лермонтова <...> Она принадлежит перу Хачатура Абовяна»⁷².

Существующие наблюдения текстологов говорят о типологических соответствиях интересующего нас сюжета и его особенностях, отмеченных у Лермонтова и Абовяна. Хотя и нет «банальных» совпадений, но основные смысловые акценты – лермонтовской сказки и романтических песен-сказаний Абовяна (о Харибе и Кяраме) – едины и приобретают самостоятельное звучание.

По справедливому замечанию С.Дароняна, «в записи Лермонтова и в пересказе Абовяна купец безымянный: «один купец», т.е. купец вообще. Оба они тифлиские купцы и находят Кероба (Хариба) в Халафе (Алепе)»⁷³. Действительно, Алеппо (Հալէփ – [hale'p]), где издавна существуют христианские храмы и святыни, посещали паломники, в том числе и странствующие певцы (гарибы), которые исполняли большей частью грустные песни – о любви, о тоске по родному краю и дорогим сердцу людям.

С.Даронян пишет: «Это одно из традиционных мест на Ближнем Востоке, куда уходили странствовать харибы в армянских народных песнях, получивших название “харибских” – страннических. В песне “Крунк” (“Журавль”) истосковавшийся по родным краям хариб спрашивает журавля: “Твой в Алепо путь? Иль летишь в Багдада? // Крунк, из стран родных нет ли хоть вестей?”»⁷⁴, – пример, с которым трудно не согласиться. По мнению ученого, «близко к лермонтовской записи и начало рассказа Абовяна: Хариб живет в окрестностях Тифлиса, у Лермонтова – в самом Тифлисе», тогда как в шемахинском варианте действие начинается в Тавризе. «И хотя в записи Абовяна отсутствует ряд эпизодов, –

---

⁷² Даронян С.К. «Ашик-Кероб» Лермонтова и армянские записи сказания // «Вестник общественных наук». АН АрмССР, 1974. № 4. С. 84-85.

⁷³ Там же. С.89.

⁷⁴ Там же.

продолжает Даронян, – все же основная сюжетная канва сходна с лермонтовской. Абовян пишет: “Мне не известны его (Хариба) приключения в годы странствий”. Собственно, ничего по этому поводу не говорится и в записи Лермонтова. <...> часть сюжета Абовян перенес в общую характеристику подобных сказаний, откуда, например, мы узнаем о содержании песен Хариба <...> пишет, что ашуги – бедные, в качестве вознаграждения слушатели им дают “пшеницу, вино, хлопок или же деньги” <...> таким же бедняком был Хариб, как и лермонтовский Кериб»⁷⁵.

На армянский генезис народного сказания о странствующем певце указывает также и то, что армянское изложение – предание, «ходившее» в Грузии еще в годы жизни и творчества Саят-Новы (1712-1795). Народный поэт-певец Саят-Нова, творивший на трех языках Закавказья – армянском, грузинском и общетюркском – по достоинству был оценен грузинским царем Ираклием II, пригласившим к себе Саят-Нову придворным поэтом и сазандаром, и даже раньше. Армянский вариант предания был опубликован еще в середине XIX века в Тифлисе первым издателем песен Саят-Новы и основоположником саятноведения Геворгом, или Георгом (Юрием) Ахвердовым (Ахвердян) («Мученичество ашуга Арутюна Саят-Нова») – жителя Тифлиса из старинного знатного армянского рода.

С.Даронян с сожалением, и это справедливо, отмечает, что эта армянская версия – «не привлекалась в работах о лермонтовской сказке»⁷⁶.

В пользу этой версии, приближающей армянский мир к процессу творчества поэта, говорит еще одно обстоятельство в его биографии.

Лермонтов, по утверждению биографов, по материнской линии (троюродная сестра матери поэта, Прасковья Николаевна (урожд. Арсеньева), была замужем за генералом

---

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 82.

Ф.И. Ахвердовым, служившем в военном Отдельном Грузинском корпусе) был в родстве с Ахвердовыми – дворянским родом армянского происхождения, и поэт в период своего пребывания в Тифлисе в 1837 году, возможно, останавливался в доме Ахвердовых⁷⁷.

Известно, что 1816-1830 гг. Прасковья Николаевна жила в Тифлисе, воспитывала Н.А. Чавчавадзе (будущую жену А.С. Грибоедова). В доме Ахвердовых бывали А.С. Пушкин и В.К. Кюхельбекер. В 1830-1832 гг. Прасковья Николаевна, переехавшая в Петербург, встречалась с Е.А. Арсеньевой и Лермонтовым, и в письме к бабушке поэт упоминает родственницу⁷⁸. Лермонтов в 1830 г. в одном из альбомов записал ее петербургский адрес: «Ахвердов <a> – на Киричной»⁷⁹. Пасынок Прасковьи Николаевны, Егор Федорович, был подпоручиком Грузинского гренадерского полка и Лермонтов, будучи в Тифлисе, возможно, останавливался у него в 1837 г.

Не исключено, что в этом доме поэт мог встретить или видеть, познакомиться и с другим своим армянским родственником Георгом Ахвердовым – основоположником саятноведения, опубликовавшим изложение распространенного среди ашугов (народных певцов) предания на армянском языке, и с Х.Абовяном, изучающим, в связи с работой над восточным вариантом родного языка ашхарабаром (новоармянским языком), творчество армянских народных музыкантов-ашугов.

Тифлис, где волею судеб, хоть и недолго, был Лермонтов, всегда отличался особым колоритом многонациональной музыкальности, что проявлялось и в песенном творчестве странствующих певцов-сказителей, исполнители которых были одновременно и композиторами, и поэтами, и

---

⁷⁷ Лермонтовская энциклопедия. С. 40.

⁷⁸ Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.-Л. Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 6. С. 434.

⁷⁹ Там же. С. 388.

импровизаторами. Ярчайший пример – творчество армянского поэта, музыканта, ашуга Саят-Новы, настоящее имя и фамилия которого Арутюн (Арутин) Саядян (как отмечалось выше, писал также на грузинском языке и фарси), проявившего свое дарование в культурной столице Закавказья Тифлисе (в армянском районе города – Авлабаре), в котором жили, творили и который посещали многие русские поэты и писатели. В.Я. Брюсов назвал армянского ашуга-поэта «мастером любовной лирики»⁸⁰. Саятноведы отмечают, что после средневекового поэта любви Наапета Кучака Саят-Нова своим пением встал на защиту интересов народа, так как воспевал не только любовь, честь, доблесть, но и жизнь обездоленных людей, за что мог впасть в немилость правителя.

И не исключено, что Лермонтов за несколько недель своего пребывания в Тифлисе мог слышать исполнение кого-то из ашугов, и гармония услышанного увлекла и заинтересовала любознательного русского поэта, которому к тому времени исполнилось лишь 23 года! Необычная слаженность городских тифлисских мелодий могла стать причиной интереса и к сюжетам песенного творчества ашугов, которые исполняли песни на сюжет лермонтовской сказки.

С.Даронян в своей работе переводит на русский язык армянское предание в изложении Г.Ахвердова⁸¹ и обстоятельно рассматривает топонимику и ономастикон в сюжете, акцентируя внимание на мотивах закавказско-христианского содержания, контента. Он пишет: «Разумеется, трудно судить по этому краткому пересказу о предании в целом. Ахвердян, видимо, записал его по памяти и для объяснения слова “Хариб” в песне Саят-Новы этого было вполне достаточно. Но чем интересна эта запись? Это наиболее ранняя публикация фабулы сказания, бытовавшего в Тифлисе среди армян и грузин. Обратите внимание на первую фразу Ахвердяна: “Согласно преданию этой страны...”. Под “этой

---

⁸⁰ Поэзия Армении / Под ред. В.Брюсова. М., 1916. С. 59-64.

⁸¹ См.: Стихотворения, изд. Г.Ахвердова. Москва, 1852. – На арм.яз.

страной” надо понимать Грузию – родину Саят-Новы. Следовательно, это предание издавна было известно здесь и, по-видимому, задолго до Саят-Новы»⁸².

Следует отметить еще одну лингвистическую особенность текста лермонтовской сказки: армянские ашуги исполняли свои песни под аккомпанемент *саза* («она взяла со стены свою *сааз*»; «на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный *сааз*» (*Подч. нами. – М.А., А.А.*) и др.), который также изображается в средневековых армянских миниатюрах и в некоторых случаях является сюжетной основой росписи армянского религиозного содержания.

В древности у армян был богатый набор музыкальных инструментов (традиционных национальных, имеющих тысячелетнюю историю), о чем свидетельствует **армянская миниатюра – средневековая книжная (рукописная) живопись.**

Одни из первых дошедших до нас миниатюр датируются VI-VII веками (Эчмиадзинское Евангелие). Книжная миниатюра, созданная при древних армянских монастырях, воспроизводила и отражала историческую действительность армянского мира и сегодня уже получила международное признание.

Разнообразие этих инструментов огромно (шумовые, звенящие, духовые, ударные и струнные).

Бытующие с древнейших времен, еще с язычества, армянские музыкальные инструменты, в том числе саз и близкая к нему по строению кяманча (кеманча), использовались ашугами, гусанами, танцовщицами и др. и отражена в немалочисленных армянских миниатюрах. К тому же и сегодня в армянском языке бытует крылатое выражение *սազը պահեց կախել* [sazə patic kakhel] –

---

⁸² Даронян С.К. «Ашик-Кериб» Лермонтова и армянские записи сказания // «Вестник общественных наук». АН АрмССР, 1974. № 4. С. 84.

զվարճութուններից հրաժարվել ծերության ւշտաւառով⁸³: в дословном переводе означает *повесить на стену саз*, смысловой же перевод – *перестать петь свою песню; не развлекаться как прежде* (по причине, напр., старости), что, на наш взгляд, передает психологическую тонкость лермонтовской фразы *на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз* – то ли герой не считает себя вправе испытывать прежние чувства любви (из-за каких-либо трудностей), то ли забыл свою любимую (по какой-либо причине), то ли его уже нет в живых.

Лермонтов *сааз* употребил в сказке и в мужском (*сладкозвучный*), и в женском (*свою*) роде, как бы привязывая тему преграды любовной истории к нему, герою сказки, и к ней, его героине.

Пение ашугской мелодии, эмоциональной и развернутой по музыкальной форме и гибкой в ритме, всегда сопровождалось аккомпанементом музыкальных (струнно-щипковых) инструментов ашугов (саза, чонгура и кеманчи), в том числе в искусстве исполнения Саят-Новы – придворного поэта и сазандара, музыканта, играющего на сазе – музыкальном инструменте, который упоминается в сложившемся уже в VIII-X вв. средневековом героическом национальном эпосе армянского народа «Давид Сасунский».

А среди многочисленных легенд, связанных с Саят-Новой, существует предание, проливающее свет на намеренное введение Лермонтовым в контекст сказки армянского музыкального инструмента сазы. Это предание было распространено в культурной кавказской столице в годы пребывания Лермонтова в Тифлисе и, на наш взгляд, является еще одним неоспоримым фактом армянского первоисточника «Ашик-Кериба».

---

⁸³ *Մտքիւնայի Ա.Ա., Գալստյանի Ա.Ա. Հայոց լեզվի դարձվածարանական րաքարիւն. – Сукиасян А.М., Галстян С.А. Фразеологический словарь армянского языка. Изд-во ЕГУ, 1975. С. 512. – На арм.яз.*

По преданию, одним из поводов изгнания Саят-Новы стали распространившиеся в Тифлисе слухи о том, что музой певца является Анна Батонашвили – дочь грузинского царя Теймураза, сестра Ираклия II, супруга князя Деметри Орбелиани. Именно ей Саят-Нова посвящал свои песни и стихи. (Есть также версия, что музой Саят-Новы была другая Анна, жительница Авлабара.) Анна дала слово ждать ашуга и хранить ему верность, и в знак искренности чувств приняла от него обручальное кольцо, но слов своих не сдержала и предпочла замужество с князем Кайхосро Цициашвили. Тем временем вопреки воле царя Теймураза Ираклий был возведен на царский престол Кахетии шахом Надиром, что вызвало гнев царя Теймураза, так как он считал, что в заговоре против него основную роль сыграли предавшая его царица Тамара и приближенный к персидскому двору Саят-Нова. Теймураз организовал убийство царицы Тамары и зятя, мятежного князя Цициашвили, и взял Анну в жены. Саят-Нова от горя удалился в Алеппо, но через три года он вернулся по вызову Ираклия II во дворец с намерением покинуть грузинский двор навсегда. Царь, увидев придворного сазандара (певца), запретил ему выступать и приказал постричь его в монахи. Так Арутюн Саят-Нова получил новое имя Степаннос, принял сан архимандрита и удалился (по указу царя) на три года в Ахпатский монастырь, расположенный в Армении недалеко от грузинской границы.

Но несчастья преследовали ашуга. Умирает любимая жена певца. Со смертью жены Саят-Нова уединяется и удаляется от светской жизни. Спустя некоторое время он узнает, что в Тифлис прибывает бросивший вызов тифлисским ашугам прославленный исфаганский певец Шаади, служивший персидскому шаху. Саят-Нова тайно покидает монастырь и пешком, переодевшись в одежду мирян и невзирая на ожидаемые трудности в пути, преодолевая холод и горные тропы, добирается до Тифлиса, где должны были проходить состязания ашугов. Саят-Нова оказался сильнее, победил и

получил заслуженное признание, но не последовал принятой традиции (победитель получает «трофей» – саз проигравшего ашуга) – он не забрал саз Шаади, сказав: «Честь и гордость ашуга – его саз».

Приведенный распространенный сюжет мифа и символика национальной жизни, преобразованные в лермонтовской сказке в образы культурно-философского и религиозного ряда, подтверждают армянскую доминанту и реальную связь с армянской ментальностью, а сила и глубина воздействия предания о Саят-Нове вырисовывает армянское «первородство» лермонтовской «сказки», в которой заглавную роль играют не только топонимы и ономастикон, но и последовательное изображение смысла, наблюдаемое в более древних армянских национальных мифах.

Применив точку зрения К.Штайн и Д. Петренко, данную к «Герою нашего времени», можно отметить и в «Ашик-Керибе», что «установка поэта на выведение обобщенных универсальных законов приводит к использованию системы языковых средств, которые способствуют их формулировке <...> используются операции обобщения, типологизации, абстрагирования, которые позволяют выявить обобщающие признаки субъектов, явлений, ситуаций, действий»⁸⁴. Это обстоятельство говорит не просто об армянском контексте и контенте, но и продуцирует универсальные свойства понятия «армянский мир-շայն արշարհ» в сказку «Ашик-Кериб».

Армянский генезис лермонтовской сказки лежит также в армянской мифологии. По поверьям, **всадник на белом коне Саркис** со своей возлюбленной посещает дома, люди для этого случая выставляют на крышах или за дверями своих домов пшеничную муку и кашу; счастье придет к тому, кто обнаружит след от копыта коня Саркиса, оставленный на муке

---

⁸⁴ Штайн К.Э., Петренко Д.И. К вопросу универсальности Лермонтова // Творчество М.Ю. Лермонтова: диалог культур. Ереван: Изд.дом Лусабац, 2014. С. 127.

и каше, тем же, кто не связан узами брака, святой во сне показывает суженых.

В известном средневековом армянском народном эпосе «Давид Сасунский» (VII—X вв.) о борьбе против арабских захватчиков Саркис является помощником и покровителем защитников родины сасунских богатырей⁸⁵.

В «Ашик-Керибе» есть совпадения с отрывками из армянского эпоса: «Ашик-Кериб рассказывает о своем **стремительном** пути к невесте <...>, как едут сватать для Мгера Старшего невесту»⁸⁶ (*Подч. нами. – М.А., А.А.*). Вот этот отрывок из эпоса в переводе В.Державина:

Тевадорос в *Маназкерт* жил.
Примчались к воротам Тевадороса,
Спросили: – Дома ли Тевадорос?
Им отвечали: – Он уехал в Ван.
Они помчались в Ван
И там спросили: – Здесь Тевадорос?
Ответили: – Он крепость заложил,
Позавтракал и *ускакал в Арзрум*.
Те понеслись в Арзрум.
Спросили: – Был здесь Тевадорос?
– Здесь был он, крепость заложил,
Потом обедал и *уехал в Карс*.
Примчались к ночи в Карс,
Спросили: – Здесь Тевадорос?
– Нет! – говорят, – он крепость заложил,
Отужинал, уехал в *Маназкерт*.
Вернулись они опять в *Маназкерт* [23: 135-136]
(*Курсив наш. – М.А., А.А.*).

Сравним с лермонтовским текстом.

---

⁸⁵ Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991. С. 483-484.

⁸⁶ *Даронян С.К.* «Ашик-Кериб» Лермонтова и армянские записи сказания // «Вестник общественных наук». АН АрмССР, 1974. № 4. С. 88.

«В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только 3 дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами — и поскакал, не жалея коня; наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. <...> вдруг видит внизу человека на белом коне; и слышит громкий голос “Ступай за мною”, — сказал грозно всадник; “Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит как ветер, а я отягощен сумою”; — “Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй”; — отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать: “Что ж ты отстаешь”, — спросил всадник; “Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен”. “Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать”. — “Хоть бы в Арзерум поспеть нонче”, — отвечал Ашик. — “Закрой же глаза”; он закрыл. “Теперь открой”; — смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. “Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс”; — “То-то же, — отвечал всадник, — я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, — теперь открой”; — Ашик себе не верит то, что это Карс: он упал на колени и сказал: “Виноват, <...> мне по-настоящему надо в Тифлиз”. — “Экой ты неверный, — сказал сердито всадник, — но нечего делать: прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой”, — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: “Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство”. — “Наклонись, — сказал тот улыбнувшись, — и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху: и тогда, если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит”».

Как видно из приведенных отрывков, сказка Лермонтова зеркально отражает традиционный для эпического жанра

мотив *стремительного пути* в армянском национальном эпосе, и события лермонтовской сказки происходят на исторической армянской земле – Арзрум, Карс и густонаселенный армянами Тифлис.

Сурб Саркис (Святой Саркис) является Ашугу Гарибу на белом коне. Таким же всадником предстаёт перед Ашиком-Керибом и его помощник, появление которого было внезапным (Ср.: «бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день»); выполнив свою миссию, он исчезает: «Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилияз (св. Георгий)» (IV, 269-270). В лермонтовских записях Хадерилияз встречается и в других написаниях – Хадерилияз, Хадрилияз. Возможно, мусульманский пророк аль-Хадир, объединённый странным образом в общетюркском фольклоре с ветхозаветным пророком Илиёй (Илиаз), и ездил на белом коне. Достоверно точно известно из жития святого пророка Илии, что при жизни он ходил пешком; кони же, запряженные в огненную колесницу, появились только при взятии его Господом живым на небо.

В комментарии к «Ашик-Керибу» в последнем, Полном собрании сочинений Лермонтова написано: «Смешение Хадерилияза со святым Георгием встречается у армян и грузин и в данном случае является не ошибкой Лермонтова или рассказчиков, а отражением воздействия армянского и грузинского фольклора»⁸⁷.

Об этом пишет В.Мануйлов и в Лермонтовской энциклопедии: «В сказке присутствуют также турецкие, арабские, армянские, иранские элементы. Хадерилияз – соединенные вместе имена Хызра и Илиаса (пророка Ильи) – объяснено Лермонтовым как Георгий, и это не ошибка поэта, смешение Хадерилияза со святым Георгием встречается в армянском и грузинском фольклоре»⁸⁸.

В православном русском фольклоре встречаются эпизоды соединения в одном лице Деда Мороза со святителем

---

⁸⁷ Лермонтов М.Ю. ПСС: В 10 т. М., 2001-2003. Т. 7. С. 566.

⁸⁸ Лермонтовская энциклопедия. С. 42.

Николаем, Мирликийским Чудотворцем. В грузинском «фольклоре» святого великомученика Георгия, родственника просветительницы Иверии равноапостольной Нины, почитаемого грузинами своим небесным покровителем, также нет в народных сюжетах с упоминанием святого Георгия в ряду полусказочных персонажей. Армения, ставшая первым христианским государством в 301 г. и подвергавшаяся впоследствии бесчисленным набегам кочевников и нападениям соседних мусульманских народов, также не была склонна к такому экуменическому плюрализму.

Нередко Лермонтов поражал своих современников глубоким интуитивным сверхзнанием как дольного, так и Горнего миров. «Вечный Судия» дал ему «всеведение пророка»; с этим ощущением он шёл по жизни уже с юношеских лет: «Живу – как неба властелин – / В прекрасном мире – но один» («Пусть я кого-нибудь люблю...», 1831).

Это всеведение и помогло ему точно определить ту силу, которая соединила любящие сердца – это святой: в представлении поэта – Георгий Победоносец, также пострадавший от царя-язычника за веру и принявший такую же мученическую смерть, как и Саркис, но раньше его на 63 года, в 304 г.: отсечение мечом головы.

Как было сказано выше, Лермонтов вряд ли был знаком с житием Сурб Саркиса, да и православную агиографию он вряд ли успел изучить подробно, но замена одного святого другим поразительна в плане действительного их сходства. Прежде всего, они – земляки: родились в Каппадокии, примыкавшей к западным рубежам Великой Армении.

Эта малоазийская область славна ещё и тем, что там до 281 г. проходило возмужание и укрепление в христианской вере Григория, будущего Просветителя Армении. Как и Саркис, Георгий был видным военачальником Римской империи, так же открыто исповедовал свою веру перед лицом языческого мира. Его посмертные чудеса также содержат множество примеров помощи во всяких житейских нуждах, в частности, он наделён от Господа даром мгновенного перемещения людей по их молитвам на большие расстояния.

В случае с лермонтовской сказкой можно сказать, что, когда поэт ищет новые пути и темы для реализации художественного

мастерства, вполне оправдано совмещение и соединение поликультурных контентов. И в связи с первоисточником «Ашик-Кериба» еще предстоит работа у историков и текстологов литературы. Для уяснения затронутой проблемы мы и обратились к предложенной версии, на наш взгляд, вполне обоснованной, так как «армянский след» в лермонтовском произведении вычерчивается зримо.

Следует обратить внимание и на то, что из-за неполноты архивных материалов «язык становится все более ценным <...> в научном изучении той или иной культуры. <...> Переплетение культурных моделей данной цивилизации запечатлено в языке, который выражает эту цивилизацию»⁸⁹.

И действительно, язык произведения «не существует вне культуры, то есть вне социально-унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни»⁹⁰.

И еще одно свидетельство в пользу христианской, в данном случае, армянской версии «Ашик-Кериба» – название одного из классических образцов романтической поэмы Лермонтова «Мцыри», основные события которой предположительно происходят в монастыре Джвари (Грузия). Образы из жизни конкретизируют художественные обретения. По справедливому замечанию С.Воркачева, «перцептивно-образные характеристики смысла жизни, наглядно отражающие ситуации и условия его обретения и потери, представляют собой, очевидно, элементы эталонного стереотипа национального сознания»⁹¹.

По начальной версии поэма была названа поэтом «Бэри» с примечанием: «Бэри, по-грузински монах». Этот факт также является доказательной базой христианского происхождения сюжета лермонтовской сказки и говорит, что основой первоисточника «Ашик-Кериба» (как и многих других

---

⁸⁹ *Сенур Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 209.

⁹⁰ Там же. С. 193.

⁹¹ *Воркачев В.Г.* Образная составляющая лингвокультурной идеи: чему подобен смысл жизни // Актуальные вопросы филологических исследований. Краснодар: «Издательский дом – Юг», 2013. С. 16. – 302 с.

«восточных» и «кавказских» лермонтовских сюжетов) является все-таки христианская и дохристианская армянская фольклорная (так как христианство именно из Армении получило распространение в Грузии) и литературная традиция, по языковым особенностям построения поэтики сказки более близкой к армянской языковой основе.

Представленные на суд читателя размышления над строками лермонтовской сказки отнюдь не претендуют называться открытием. Творчество поэта до конца непостижимо. Пусть таковым оно и остаётся.

Следует вспомнить о написанном в честь ашугов сочинении композитора А.И. Хачатуряна «Песня-поэма» для скрипки и фортепиано (1929), навеянном армянской национальной музыкальной гармонией, о чем мы скажем ниже (по нашим наблюдениям, заметим, что, кроме Хачатуряна, ни один из признанных композиторов классической музыки современности народов Закавказья так и не обращался к жанру ашугов), и о работе армянского кинорежиссера Сергея Иосифовича Параджанова (Саргис Овсепович Параджанян; 1924-1990) – последнем законченном художественном фильме, драме «Ашик-Кериб» (совм. с Д.Абашидзе; Грузия-фильм, 1988), посвященной другому талантливому режиссеру Андрею Тарковскому. Параджанов, воспитанный на перекрестке трех культур интернационального Тбилиси, отразил в своем творчестве распространенные культуры этого города – армянскую, грузинскую и общетюркскую, и воссоздал средневековые истории родного края в двух близких сюжетах – о жизни тбилисского армянского поэта-ашуга Саят-Новы («Цвет граната», Арменфильм, 1968) и о любви по мотивам лермонтовской сказки из средневековой истории.

Лермонтов в мире армянской литературы и исследований

Армянская читающая публика знакомилась с творчеством Лермонтова не только в оригинале, но и в армянских переводах⁹², и значительную роль в этом сыграли армянские очаги культуры – в Москве (Лазаревский институт восточных языков, 1815-1921), Тифлисе (школа Нерсисян, 1824-1921) и др. Важное значение имела деятельность переводчиков С.И. Назаряна (1812—1879), М.Садатяна (1840-1866), М.Миансаряна (1830-1880) и др.

Первые армянские переводы из русской художественной литературы, в частности, из Лермонтова, были выполнены воспитанником Лазаревского училища (института) восточных языков А.Амазаспяном и опубликованы в сборнике 1843 г., в который вошли стихи М.Ю. Лермонтова, а также В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского и Н.И. Гнедича. Это стало первой армянской публикацией стихотворений Лермонтова. В числе переведенных Амазаспяном стихотворений – лермонтовские «Ангел» и «Сосна» (перевод был выполнен на грабаре – классическом древнеармянском языке).

В 1850-е гг. армянские переводы лермонтовских произведений активизируются и большую роль в распространении художественного творчества поэта играют армяноязычные периодические издания⁹³.

Классик армянской литературы, революционер и демократ М.Л. Налбандян (1829-1866) перевел и опубликовал лермонтовские стихи «Ветка Палестины», «Спор» и «Пророк». Он отмечал, что «душевное удовлетворение, доставляемое чита-

---

⁹² Об этом подр.: *Амирханян М.Д.* Россия и Армения. Очерки русско-армянских литературных отношений. Ч. I. Изд. 2-е, дополн. Ереван: Асогик, 2003. С. 155-160. – 298 с.

⁹³ См.: *Даронян С.К.* Лермонтов и армянская действительность. (20 – 60-е г. XIX в.) // Лермонтов и литература народов Советского Союза. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1974. С. 259-300. – 456 с.

телу русской литературой, имеет источником не только совершенство и богатство языка, но и величие творческой идеи»⁹⁴. Издатель и редактор журнала «Юсисапайл» («Северное сияние», Москва, 1858-1864) С.И. Назарян (профессор восточных языков Лазаревского института) подготовил и издал первый армянский перевод сказки «Ашик-Кериб», включенный в «Хрестоматию по новоармянской речи» (1857). Публикуется армянский перевод поэмы «Демон», выполненный студентом Московского университета, поэтом М.Садатяном (журн. «Юсисапайл». – 1863. № 12; 1864. № 2), получивший высокую оценку современников.

Большой друг армянской литературы, поэт, переводчик, литературный критик и арменовед Ю.А. Веселовский (1872-1919), в частности, писал: «Среди переводов с русского первое место занимает действительно прекрасный перевод лермонтовского «Демона», сделанный рано умершим поэтом М.Садатяном»⁹⁵. Перевод М.Садатяна был снабжен предисловием С.Назаряна, с которого, по праву, берет начало армянское лермонтоведение⁹⁶.

В 1863-1864 гг. на страницах журнала «Юсисапайл» в переводе С.Назаряна публикуется «Пророк» (1863. № 12) и переведенная Е.Саргисяном баллада «Воздушный корабль» (1864. № 7). В 1868 г. в изданной в Петербурге книге для чтения «Кнар айкакан» («Армянская лира») М.Миансарян поместил армянские переводы стихотворений «Пророк», «Ангел», «Сосна» и два отрывка из поэмы «Демон» («Клянусь полночною звездой..» и Клятва Демона).

В 1891 году садатяновский перевод «Демона» был опубликован в Тифлисе отдельной книжкой, и в журнале «Мурч»

---

⁹⁴ Налбандян М. Сочинения в 2-х томах / Под ред. С.К. Дароняна. Перевод с арм. Ереван, 1968-1970. Т. 1. С. 199-200.

⁹⁵ Веселовский Ю.А. Очерки армянской литературы, истории и культуры. Ереван: Айастан, 1972. С. 318-328. – 504 с.

⁹⁶ Подр.: Иванова О.С. «Демон» Лермонтова в армянских переводах и критике // Лермонтов и литература народов СССР. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1974. С. 318-328.

(«Молот», Тифлис; 1889-1907) в рецензии Т.Ованнисяна (1891. № 7-8) была дана высокая оценка переводу Садатяна.

В эти же годы к переводу поэмы «Демон» обращались другие переводчики, что было вызвано возросшим интересом к творчеству Лермонтова. Еще один перевод поэмы, выполненный Мирзояном (Мирзоянц), вызвал неподдельный интерес и положительный отклик и был издан в Тифлисе отдельной книгой в 1891 г. «Демон» в армянском переводе Садатяна и Мирзояна был включен в дальнейшем в первый том «Избранных произведений» Лермонтова (Ереван, 1941).

Составители трехтомного собрания сочинений Лермонтова на армянском языке (Ереван, 1965-1966) включили также еще один вариант «Демона», переведенный известным армянским поэтом П.Р. Севаком (1924-1971). В 1870-е гг., благодаря деятельности переводчиков, знакомство с поэзией Лермонтова на армянском языке активно продолжалось благодаря публикациям на страницах журналов, издаваемых в различных городах Закавказья и России.

Публикуется ряд лермонтовских произведений, география «армянского» распространения которых обширна:

стихотворения: «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...», переводчик Г.Никогосян) – в № 3-4 1870 г. журн. «Айкакан ашхар» («Армянский мир», Тифлис, Шуши, Гандзак (Елизаветполь), Баку, Эривань, 1864-1871, 1874-1879), «Родина» (переводчик неизвестен) – в № 3 1873 г. журн. «Дастиарак» («Воспитатель», Феодосия, 1873-1874);

поэмы – «Демон» (пер. М.Гарагашян; Константинополь, 1879), «Мцыри» (пер. Ов.Туманян; Тифлис, 1896), «Хаджи Абрек» (пер. С.Ововян; Баку, 1897);

повести из романа «Герой нашего времени» – «Бэла» (пер. Ов.Малхасян; СПб., 1890) и «Максим Максимыч» (пер. «А»; Баку, 1898);

два перевода горской легенды «Беглец», выполненные переводчиками – один за подписью «Հ.Տ.Չ.» (транскр. [Н.Т.Г.]);

журн. «Арор», Баку, 1904) и другой Г. Айкуни (Москва, 1919), и др.

Известный армянский поэт и переводчик, классик армянской литературы А.О. Цатурян (1865-1917) перевел на армянский язык и издал сборник «Русские поэты» в двух книгах (1905), в первый том были включены произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова⁹⁷.

Выдающийся армянский поэт, писатель, литературный критик, переводчик и общественный деятель, классик армянской литературы Ов.Т. Туманян (1869-1923), с ранних лет интересующийся достижениями русской поэзии, в письме 1902 г. к Ю.Веселовскому неоднократно говорит об огромном значении и благотворном влиянии русской литературы на формирование его художественного вкуса и сознания, думается, и других армянских писателей и, безусловно, читателей. Среди многочисленных произведений Лермонтова любимыми, по признанию Туманяна, были «Песня про... купца Калашникова», стихотворения «Ангел», «Ветка Палестины», «Спор», «Пророк», «Тучки небесные», «Выхожу один я на дорогу», «И скучно и грустно».

В 1890-е гг. армянский поэт перевел стихотворение «Желание», «Я не хочу, чтоб свет узнал...», «Ангел» и поэму «Мцыри» (1895; издано в 1896). Влияние поэзии Лермонтова в ранней лирике Туманяна заметно в его поэме «Отвергнутый закон» (1890).

В процессе работы над своей поэмой «Ануш» (1890, опубл. в 1892; 2-я редакция 1901-1902), Туманян обращается к поэтическому опыту А.С. Пушкина и Лермонтова, в том числе к их поэмам как высоким образцам жанра, так как в содержании «кавказских» поэм русских поэтов Туманян для изображения национальной образности и особенностей содержания находил в них близкий себе поэтический стиль и

---

⁹⁷ См.: *Арамян А.* Александр Цатурян и русская литература // *Международные связи армянской литературы.* Т. 1. Ереван: АН АрмССР, 1983. С. 64-70. (На арм. яз.).

дух: «Русские поэты, – писал Туманян в письме Ю.Веселовскому в октябре 1902 г, – главным образом Л. и затем Пушкин, всегда были мне более близкими, чем наши поэты, армянские»⁹⁸. Туманян к 100-летию со дня рождения Л. написал статью с определяющим отношением армянского мира к поэту заглавием «Великий приемный сын Кавказа. (М.Ю. Лермонтов)» (газ. «Оризон», Тифлис, 1914, 2 октября), в которой, в удивительных по силе выражения своей гражданской позиции словах, говорит о признании поэта в армянской литературной жизни и дает подлинную оценку характера времени и силе духа, необходимого для творческого процесса каждого поэта: «Тысячи людей прошли через Кавказ, все они были для Кавказа прохожими: одни явились друзьями, другие – недругами, третьи – гостями, а приемных сынов у него было мало. К числу этих немногих счастливых принадлежат два великих русских поэта: Пушкин и Лермонтов. Заговорила ли в них горячая кровь предков, или причиной тому был поэтический дух, стремящийся ко всему возвышенному и чистому, – кто знает, быть может и то, и другое, но они любили Кавказ, а Кавказ – их, и они стали навеки великими сынами Кавказа. <...> так и не время было Лермонтову родиться сто лет назад. Но он родился, родился с пламенной и порывистой душой, которая еще с детства искала прекрасное в окружавшем его сумраке России прошлого столетия <...> Когда наступит время отпраздновать столетие со дня рождения Лермонтова, мы, кавказцы, отметим эту дату не только как праздник великого русского поэта, которому мы многим обязаны, но и как праздник поэта, чей дух нам близок, кто является приемным сыном нашей общей обители – Кавказа, еще с детства мечтавшим о кавказском небе и о кавказских синих горах»⁹⁹.

---

⁹⁸ Туманян О. О России и русской культуре. Статьи и письма. Ереван: Айастан, 1969. С. 103. – 128 с.

⁹⁹ Там же. С. 98-101.

Армянские переводы из Лермонтова выполнялись в советские годы, планировались государственными органами печати и активно публиковались. (Заметим, что в начале XX века интерес к литературам народов многонационального государства внутри страны был взаимным, о чем свидетельствуют также интересующие нас многочисленные исследования и переводы русских поэтов из армянской литературы¹⁰⁰.)

Полный текст «Героя нашего времени» в переводе А.Хондкяряна был издан трижды – в 1935, 1957 и 1973 гг. В 1941 г. вышел первый том двухтомника избранных сочинений поэта, второй – в 1947 г. В собрание были включены впервые переведенные на армянский П.Микаеляном прозаические произведения Лермонтова «Княгиня Лиговская» и «Вадим», а также новые переводы стихотворений «Узник» и «Любовь мертвеца» (переводчик Г.Б. Сарьян), «Умиравший гладиатор» (пер. Г.Севак), «Я жить хочу! хочу печали...» и «Мой дом» (пер. Г.Борян), «Тучи» и «Казачья колыбельная песня» (пер. Р.Погосян), «Песня про... купца Калашникова» (пер. Г.Абов), и мн.др.

Самым объемным изданием сочинений Лермонтова на армянском языке стал трехтомный сборник, вышедший в 1965-1966 гг. (вступит.ст. Э.М. Джрбашяна), в который вошли новые переводы переведенных ранее произведений и переведенные впервые стихотворения и поэмы – около ста стихотворений русского поэта, а также поэмы «Черкесы», «Измаил-Бей» (пер. М.Хераян), «Кавказский пленник» и «Боярин Орша» (пер. П.Микаелян), «Последний сын вольности» (пер. Г.Зарян) и некот.др., а также «Хаджи Абрек» (пер. М.Корюн), «Ангел смерти» (пер. П.Микаелян), «Сашка» (пер. В.Овакимян), «Песня про... купца Калашникова» (пер. О.Шираз), «Беглец» (пер.

---

¹⁰⁰ См.: Брюсов В.Я. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Историко-литературный очерк // «Поэзия Армении». Изд. 2-е, испр. и дополн. Ереван: Айастан, 1973. С. 27-94. – 544 с.; Мкртчян Л.М. Армянская поэзия и русские поэты XIX-XX вв. Ер.: Айастан, 1968. – 468 с.

С.Таронци), «Демон» (пер. П.Севак), «Ашик-Кериб» (пер. В.Микаелян), «Маскарад» (пер. О.Овакимян) и некот.др. В трехтомнике были широко представлены стихотворения, поэмы и проза как в новых, так и в известных переводах, выполненные и опубликованные ранее.

Сочинения Лермонтова переводили на армянский язык поэты и писатели, классики армянской литературы А.Цатурян, И.Иоаннисян, Ов.Туманян, В.Терян, Ав.Исаакян, Н.Зарян, П.Севак, Г.Эмин, В.Давтян, Г.Севак, А.Граши, О.Шираз, Р.Погосян, литературоведы В.Микаелян, В.Овакимян и мн.др.

К творческому наследию обращались и обращаются многочисленные ученые и исследователи Армении. К имени Лермонтова не раз обращались армянские поэты и писатели, в разные годы на страницах армянских газет и журналов публиковали посвящения Лермонтову, в числе которых на армянском языке: Ахавни – «Лермонтову» (без подписи; «Тараз», 1891, 14 июля. С. 386), А.Петросян – «Лермонтову» (журн. «Арагат». 1913. С. 41), С.Саркисян – «Мих. Юр. Лермонтову» («Гракан терт», 1939, № 24), О.Шираз – «Песня о Лермонтове» («Советакан Айастан», 1939, 20 окт.), А.Маргарян – «Лермонтову» («Авангард», 1940, № 161), Ц.Шохенц – «Любовь Лермонтова» («Гракан терт», 1940, № 17), С.Таронци – Сосны поэта Лермонтова: Сб.: Лирика (Ереван.: Айпетрат, 1940. С. 84-85), и др.

В 1956 г. известный переводчик с древнеармянского языка (грабара), переводчик произведений Лермонтова, кандидат филологических наук, доцент Ереванского государственного университета Вазген Геворкян выступил как автор – опубликовал трагедию в стихах в пяти действиях «Лермонтов» на армянском языке (Ереван), которую в 1961 г. перевел на русский язык известный русский поэт и переводчик В.В. Державин (1908-1975). Трагедия В.Геворкяна посвящена событиям последних неполных двух лет жизни Лермонтова – 1840-1841 гг. Сюжетная коллизия трагедии разворачивается в Петербурге и Пятигорске и строится на включенных в пьесу

реальных исторических лицах – это тридцать два действующих персонажа, в их числе поэт М.Ю. Лермонтов, царь Николай, А.А. Столыпин, Бенкендорф, Вл.А. Соллогуб, А.А. Краевский, В.Г. Белинский, В.Ф. Одоевский, Н.С. Мартынов и др. образы. Геворкян, затрагивая невыясненные до сих пор обстоятельства объективных причин гибели гениального русского поэта, завершает пьесу двумя многозначительными репликами, одну из которых произносит родственник и друг поэта Столыпин: «С т о л ы п и н: Все кончено! Убит! И прямо в сердце! / Да, в русскую поэзию стреляют / Не то, что во французских королей, – / Без промаха! Два раза, оба – на смерть!»¹⁰¹.

Творческое наследие Лермонтова всегда интересовало ученых Армении. В XX веке армянское лермонтоведение развивалось на армянском и русском языках. Их отличало тематическое разнообразие исследований, касающихся, в основном, вопросов исторического лермонтоведения, сравнительного литературоведения, теории и практики переводов произведений поэта, которые опубликованы в академических изданиях, книгах, научных сборниках¹⁰² и отражены в диссертациях, работа С.Г. Арешян, Р.О. Оганесяна, О.Т. Ганалаяна, Т.С. Ахумяна, С.К. Дароняна и др. В последние десятилетия на русском и армянском языках рассматривались вопросы взаимодействия культур, лермонтовской поэзии и армянской литературы в работах С.О. Даниеляна¹⁰³, Р.В. Татевосян¹⁰⁴ и др., проводятся научные конференции¹⁰⁵, посвященные творческому наследию русского поэта и др.

---

¹⁰¹ Геворкян В. Лермонтов: трагедия в пяти действиях. Перевод с арм. Вл.Державина. Ереван: Айнепрат, 1961. С. 230. – 232 с.

¹⁰² Лермонтов и литература народов Советского Союза. Ереван: ЕГУ, 1974. – 456 с.

¹⁰³ Даниелян С. Лермонтов и армянская культура. Ереван: АН АрмССР: Ин-т лит-ры им. Абягяна, 1960. – 257 с. (На арм. яз.).

¹⁰⁴ Татевосян Р. Лермонтов и армянская классическая поэзия. Ереван: Советакан грох, 1981. – 199 с.

¹⁰⁵ М.Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы / Сб. Материалов междунар. конф. / Ред.колл.: М.Д. Амирханян (ред.-сост.), Н.А. Басилая, С.Н. Зотов, С.И. Кормилов, А.В. Очман. Ереван: Изд. дом Лусабац, 2011. – 226 с.; Творчество М.Ю. Лермонтова: диалог культур / Сб. Материалов междунар. конф. / Ред.колл.: М.Д. Амирханян (ред.), М.А. Калинин (сост.), А.А. Закарян, Т.В. Тадевосян, А.Г. Чулян. Ереван: Лусабац, 2014. – 202 с.

Лермонтов в мире армянского искусства

Слово, рассчитанное на публику, всегда звучит ярче и осмысленнее. Заключенный в слово литературный образ воспринимается и истолковывается не одним поколением и, независимо от эпохи, вновь и вновь «переживается» при его «рождении» несколькими «создателями» – автором, режиссером, актером. Как справедливо заметил Ю.Борев, «слово – выразительное средство и мыслительная форма литературы, знаковая основа ее образности. В самих своих истоках оно содержит элементы образности. Исторический процесс развития естественного языка насытил слово образностью и подготовил к ассоциативному, художественному осознанию мира. “В начале было слово...” Так Библия говорит о сотворении вселенной. Художественный мир, создаваемый литературой, возникает именно по этой формуле»¹⁰⁶. Следуя правилу «оценочного» восприятия слова, становится понятным особенный, вечно молодой, интерес к лермонтовским постановкам.

Значительна роль армянского театра и армянской сцены в распространении интереса армянской публики к творчеству Лермонтова.

В 1884 году прославленный армянский актер-трагик Петрос Иеронимович Адамян (1849—1891; на сцене – с 1866 г., Константинополь)¹⁰⁷, имя которого в настоящее время носит старейший Тбилисский государственный армянский драматический театр (основан в 1856 г.), Адамян в своем письме к известному армянскому художнику Вардкесу Суренянцу признавался: «В Константинополе запрещены спектакли, в которых показывается король, потому что в Константинополе – один султан, и даже на сцене не должно быть второго».

---

¹⁰⁶ Борев Ю.Б. Эстетика: В 2 т. Смоленск: Русич, 1997. Т. 1. С. 566-567. – 576 с.

¹⁰⁷ Ломунов К.Н. Сценическая история «Маскарада» Лермонтова // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сб. первый. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1941. С. 552-589, 644.

*Адамян Петрос*¹⁰⁸

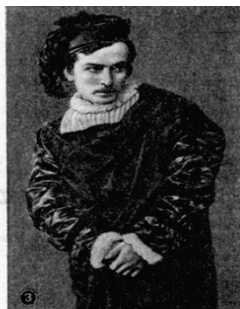
Когда в 1870-е гг. армянские театры Константинополя стали подвергаться турецким гонениям, П.Адамян с сестрами (и с группой известных константинопольских актеров) по приглашению армянского актера, режиссера и театрального деятеля Георга Арутюновича Чмшкяна (1837-1916; на сцене с 1862 г.) переехал в Тифлис¹⁰⁹.

Арбенин

Отелло

Гамлет

(худ. В.Суреняц)¹¹⁰

---

¹⁰⁸ Из семейного архива М.А. Астабацяна.

¹⁰⁹ *Тер-Габриеляни Г.* Воспоминания о незабвенном армянском артисте Петре Иеронимовиче Адамяне. Тифлис, 1896.

¹¹⁰ creativeit.ru/1c1731b86a7f9f08.html

В 1882 г. Адамян исполнил в Тифлисе на армянском языке в переводе, выполненном С.Арцруни (1881), роль Арбенина («Маскарад»)¹¹¹. География гастролей Адамяна обширна. На сцене Тбилисского армянского театра крупнейший трагик XIX века П.Адамян мастерски выразил в сценических работах протест против национального и социального гнета.

Арбенин П.Адамяна – одна из лучших ролей актера, восхитившая во время его гастролей в Москве (1883) знаменитых русских артистов Малого театра Г.Н. Федотову и М.Н. Ермолову. Адамян отошел от сложившейся в те годы традиции и представил образ Арбенина не «демоническим», а «разочарованным», как бы раскрывая тонкие струны поступков героя, мотивированных психологически.

Об армянской труппе П.Адамяна и об Адамяне как об одном из наиболее крупных авторитетов российской театральной сцены своего времени писали в статьях, исследованиях и книгах¹¹². Во время гастролей в Петербурге (1884) сыгранный Адамяном Арбенин заслужил следующую оценку театрального критика В.Чуйко: «Должен был приехать армянский артист, чтобы доказать нам, что Лермонтов истинно театральный драматург».

После гастролей Адамяна в Петербурге драма «Маскарад» вошла в репертуар Александринского театра, на сцене которого большей частью ставились комедии и водевили.

Адамян был признан лучшим Гамлетом мира второй половины XIX века, он – мировая величина. Армянский актер воплотил на сцене наиболее захватывающие театральные образы – из пьес величайшего армянского драматурга Г.М. Сундукяна (1825-1912) и «переводных» произведений – шекспировских Короля Лира, Отелло и Гамлета (первым

---

¹¹¹ *Даниелян С.О.* Лермонтов и армянская культура. Ер.: АН АрмССР: Ин-т лит-ры им. Абегяна, 1960. – 257 с. (На арм. яз.).

¹¹² Театральная энциклопедия: В 5 т. (6 кн.) / Гл. ред. С.С. Мокульский (до 1961 г.), П.А. Марков (с 1963 г.). М.: Сов. энцикл., 1961-1967. Т. 1. С. 73-75.

исполнил роль Гамлета на армянском языке, перевод С.Арцруни), гоголевского Хлестакова, грибоедовского Чацкого и др.

Создаваемые Адамяном образы на сцене волновали его воображение. Покинув сцену, он продолжал размышлять над ними и писать о них теоретические труды (один из них – «Шекспир и его трагический Гамлет» (1886) и др.). Э.Росси, один из лучших исполнителей Гамлета тех лет, признавая талант Адамяна, подарил армянскому артисту-трагику свою фотографию с надписью: «Адамяну – Первому в мире Гамлету».

Адамян был философом, поэтом и художником, занимался также переводами из русской и западноевропейской литературы. Великий художник-маринист И.К. Айвазовский дал высокую оценку эстетике П.Адамяна на сцене, в поэзии и живописи (известны натюрморты, портреты актера, в числе которых одним из лучших в творческом наследии Адамяна считается написанный им портрет И.К. Айвазовского)¹¹³.

Адамяновская техника исполнения имела последователей. Роль Арбенина на армянской сцене в Ереване исполняли видные театральные деятели – народный артист СССР Ваграм Камерович Папазян (1888-1968; считая «несценичным» существующий армянский перевод, Папазян сам переводит драму на армянский язык и в 1926 г., будучи в 1926-1927 гг.

---

¹¹³ См.: *Степанян Г.Х.* Петрос Адамян. Ереван: Армгосиздат, 1956. – 148 с.; *Тер-Габриеляни Г.* Воспоминания о незабвенном армянском артисте Петре Иеронимовиче Адамяне. Тифлис, 1896; *Гаринь-Виндингъ Д.В.* Петросъ Адамьянъ. Нѣсколько воспоминаній изъ жизни армянскаго трагика // Братская помощь пострадавшимъ въ Турции армянамъ / Литературно-научный сб. с ориг.рисунками И.К. Айвазовского, заставками В.Я. Суренянца, с двумя отд. большими группами армян-переселенцев, с автографами авторов и со множеством портретов, видов, типов Закавказья, Турецкой Армении и пр. М., 1898. – Факсимильное воспроизведение осуществлено под наблюдением дфн, проф. М.Д. Амирханяна. Ереван: Изд. дом Лусабац, 2014. – 959 с.

руководителем Тифлисского армянского театра, ставит ее на сцене названного театра)¹¹⁴.

Ваграм Папазян в роли Арбенина

Народный артист СССР Вагарш Богданович Вагаршян (1894-1959; наст.фам. Тер-Погосян) сыграл роль Арбенина в 1949 г. в Первом Государственном театре Армении (Ереван), в настоящее время – Армянский (национальный) академический театр имени Габриэла Сундукяна (режиссер постановки – А.К. Гулакян)¹¹⁵.

---

¹¹⁴ Театральная энциклопедия. Т. 4. С. 270-273.

¹¹⁵ Арутюнян С.С. Вагарш Богданович Вагаршян. М.: Искусство, 1956. – 68 с.; Театральная энциклопедия. Т. 1. С. 792-794.

Вагариш Вагаршиян в роли Арбенина

Постановка драмы Лермонтова «Маскарад» в 1949 г. в Ереванском театре им. Г.Сундукяна была представлена звездной плеядой армянских артистов театра и кино страны. Роль Нины принесла большую славу и известность народной артистке СССР Метаксии Миграновне Симонян (1926-1987).

М.Симонян играла в «Маскараде» в партнерстве с В.Папазяном, В.Вагаршияном, Р.Нерсесяном¹¹⁶. В театральной критике были самые восторженные отклики, отмечалось, что Нина в исполнении Метаксии Симонян ни на русской, ни на армянской сцене так серьезно прежде не олицетворялась и за всю историю лермонтовских постановок драмы этот образ никем из актрис не был рассмотрен в трагизме реального и сложного переплетения роковых, судьбоносных обстоятельств. Метаксия Симонян вывела на сцену героиню, которая становится центром всех событий, и в ее сценической

---

¹¹⁶ Фотографии: <http://etvnet.com/encyclopedia/d/person/simonyan-2/>

трактовке создается трагическое напряжение сюжета¹¹⁷. В Армении существует ежегодная театральная премия «Артист» им. Метаксии Симонян.

Метаксия Симонян

---

¹¹⁷ Театральная энциклопедия. Т. 4. С. 941.

*Нина - М.Симонян,
Арбенин – В.Вагаршян.*

Народный артист СССР Рачия (Грачья) Нерсесович Нерсисян (1895-1961) своей игрой в этой же постановке неповторимо выражал драматургический накал в роли Неизвестного¹¹⁸.

В 1957 г. в Ереване, на сцене Армянского театра оперы и балета им. А.А. Спендиарова известный певец, баритон, народный артист СССР Николай Дмитриевич Ворвулев (1917-1967) исполнил оперную партию Демона в одноименной опере А.Рубинштейна¹¹⁹.

(М.Д. Амирханян вспоминает, когда, будучи студентом филологического факультета ЕГУ, присутствовал на «Демоне» Ворвулева в Ереване. Яркие и незабываемые впечатления от исполненной оперным певцом партии Демона и сегодня, спустя более полувека, забыть невозможно).

В некотором смысле «демоническую» историю находки лермонтовского «Демона» также связывают с армянским

---

¹¹⁸ Театральная энциклопедия. Т. 4. С. 49-50.

¹¹⁹ Гловацкий Б.С. Лермонтов и музыка / Вступит. ст. В.Музалевского. Л.: Музыка. Ленингр. отд-ние, 1964. – 103 с.

миром. Есть ряд факторов, подтверждающих и опровергающих армянскую версию находки. Мы всего лишь отметим, что одной из популярных точек зрения является свидетельство о том, что лермонтовский «Демон» был найден в фондах архива армянского ученого Х.И. Кучук-Ованесяна (Христофор Иванович Кучук-Иоаннесов) в Ереване, который долгие годы преподавал в Московском Лазаревском институте. Благодаря найденному «ереванскому» списку Кучук-Ованесяна «Демон» Лермонтова получил в дальнейшем известность и распространение¹²⁰.

Сочинения Лермонтова вдохновляли армянских художников. Лев Толстой отмечал: «...описать человека собственно нельзя; но можно описать, как он на меня подействовал»¹²¹. И действительно, «литература не может заменить собой все сферы художественной культуры <...> соревноваться с живописью в изобразительности литература не может, у нее другие задачи и возможности»¹²².

Известны многочисленные работы основоположника исторического жанра армянской живописи, известного армянского художника Вардкеса Акоповича Суренянца (1860-1921). О полотнах Суренянца великий русский художник-живописец И.Е. Репин сказал: «Оригинальность, доходящая до странности, сдержанность, доходящая до сухости, и страстная любовь в отношении очень тонких, едва уловимых деталей».

---

¹²⁰ Об этом.: *Андроников И.* Кто знает эти стихи? // *Известия*, 1964, 12 сент.; *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых. М.: Наука, Гл.ред.вост.лит., 1982. С. 90-93.

¹²¹ *Толстой Л.Н.* Собр.соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 19. С. 69.

¹²² *Борев Ю.Б.* Эстетика: В 2 т. Смоленск: Русич, 1997. Т. 1. С. 566-567.

*Вардкес Суренянц*¹²³

На рубеже XIX-XX вв. Суренянца как художника с даром «картинного перевоплощения» пригласили в Императорский Мариинский театр в качестве декоратора, театрального художника и оформителя ставящихся спектаклей. Он роскошно оформил сцену для оперы в трех действиях «Демон» (1875; композитор – А.Г. Рубинштейн, 1829-1894; среди учеников – П.И. Чайковский; либретто оперы «Демон» – П.А. Висковатов, известен также под фамилией Висковатый) по одноименной поэме Лермонтова¹²⁴.

Суренянц родился в армянонаселенном городе Ахалцихе (Грузия), в семье священника и учителя Акопа Захаровича Суренянца – протоиерея Московской армянской церкви Сурб Хач (Св. Крест), родственника и друга И.К. Айвазовского.

---

¹²³ Суреньянц В. Альбом. (На арм., англ.яз.). Ереван: Эдит Принт, 2010. – 224 с.

¹²⁴ Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энциклопедия, 1962-1978.

И.Айвазовский. *Автопортрет*, 1874¹²⁵

В Кавказскую войну, в годы турецкого нашествия Акоп Суренянц был организатором самообороны в Ахалцихе. Когда Вардкесу было семь лет, отца направили в Симферополь, и в Русско-турецкую войну через дворик дома Акопа (в Крымской военной кампании он командовал отрядом жителей Ахалциха) проходила фронтальная линия военных действий. По этому поводу русские солдаты шутили – «окопы под Акопом».

Так, в детские годы Вардкес стал живым свидетелем битв и боевых действий с османскими завоевателями, избиений и преследований эрзрумских армян турками, это и стало в дальнейшем причиной («художник обязан рассказать миру о несправедливости и трагедиях своего народа») его присоединения к Товариществу художников-передвижников. Картины армянского художника живо передавали особенности и тонкие линии кавказских пейзажей и событий истории.

По признанию Суренянца, через игру великого армянского актера-трагика П.Адамяна он увидел и «узрел» Лермонтова. Работы художника, знавшего непревзойденное сценическое перевоплощение великого армянского актера П.Адамяна и

---

¹²⁵ Айвазовский И. Альбом. (На арм., русск., англ.яз.). Ереван: Советакан грох, 1984. – 240 с.

прекрасно выражавшие кавказские пейзажи, получили высокую оценку современников.

Прочувствованная живописцем история кавказского края и вложенная Адамяном в театральную игру душа, вероятно, послужили причиной обращения Суренянца к лермонтовским произведениям в изобразительном искусстве. Так появились многочисленные иллюстрации к поэмам Лермонтова «Беглец», «Боярин Орша», «Демон», «Измаил-Бей», «Мцыри», «Песня про... купца Калашникова», роману «Герой нашего времени», сказке «Ашик-Кериб», стихотворениям «Бородино», «Воздушный корабль», «Три пальмы», «Утёс».

Армянский живописец, основоположник армянского реалистического пейзажа Георгий (Геворк) Захарович Башинджагян (1857-1925) к 100-летию юбилею поэта написал картину «На севере диком» (1914), выставленную для обозрения в 1915 году на выставке Петербургского общества художников. – См.: газ. «Мшак». 1913. №. 30. – На арм.яз.).

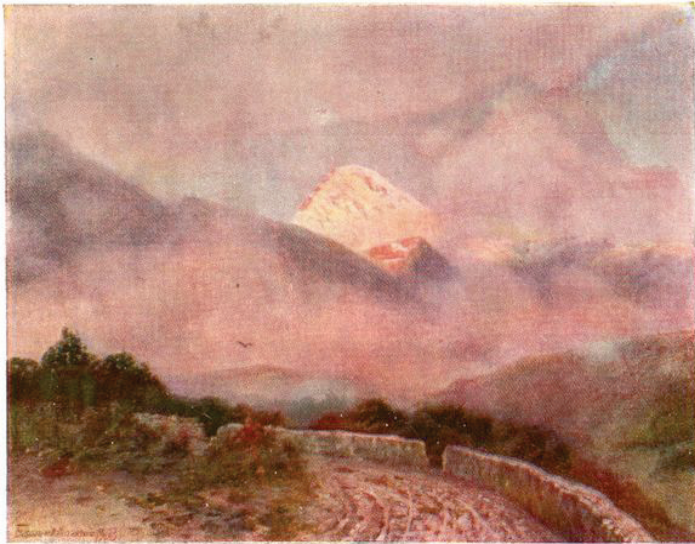
*Геворк Башинджагян*¹²⁶

---

¹²⁶ Башинджагян Г.З. Альбом. (На арм., русск., англ.яз.). Ереван: Советакан грох: 1985. – 96 с.

Г.Башинджагян. *Казбек*, 1895

Г.Башинджагян. *Казбек*, 1903

Великий русский художник армянского происхождения, маринист и баталист Иван (Ованес) Константинович Айвазовский (1817-1900) создал живописное полотно «Среди волн» (1898), картину «Буря» (1899) и др., сюжеты которых повторяют психологические и сюжетные линии лермонтовских произведений.

Вслед за живописными зарисовками Лермонтова 1830-х гг. Кавказских гор, Казбека, Дарьяла и Дарьяльского ущелья, художники Суренянц, Башинджагян и Айвазовский в своих пейзажах не раз обращались к сюжетам лермонтовской живописи.

М.Ю. Лермонтов. *Дарьяльское ущелье с замком царицы Тамары*, 1837¹²⁷.

В то же время известны картины, которые привлекают особое внимание тем обстоятельством, что мы видим изображенные пейзажи с тех же, лермонтовских «точек»

---

¹²⁷ М.Ю. Лермонтов в Пушкинском Доме. К 200-летию М.Ю. Лермонтова. Художественный календарь. СПб., 2013.

просмотра, тем самым, перекликается, точнее, тематически повторяется художественное видение картинного сюжета у Лермонтова и у армянских живописцев.

Среди них, в частности, следующие полотна Г.Башинджагяна:

Казбек (1895),

Дарьяльское ущелье ночью (Скала «Пронеси, Господи!») (1899),

Ночь в Дарьяльском ущелье,

а также несколько полотен И.Айвазовского, в числе которых:

Обвал в долине Терека (1860-е гг.),

Дарьяльское ущелье (1862),

Дарьяльское ущелье в лунную ночь (1868),

Дьявольское ущелье (1868),

Дарьяльское ущелье (1891) и др.

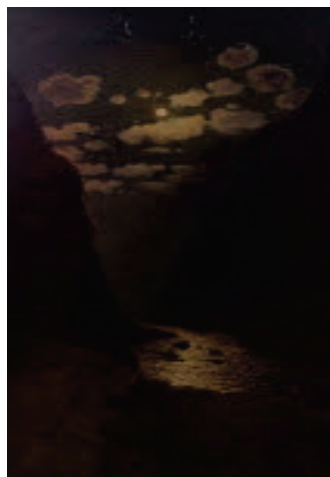
М.Ю.Лермонтов. *Дарьяльское ущелье.*

Г.Башинджаган. *Дорога вдоль ущелья (Дарьяла)*, 1899

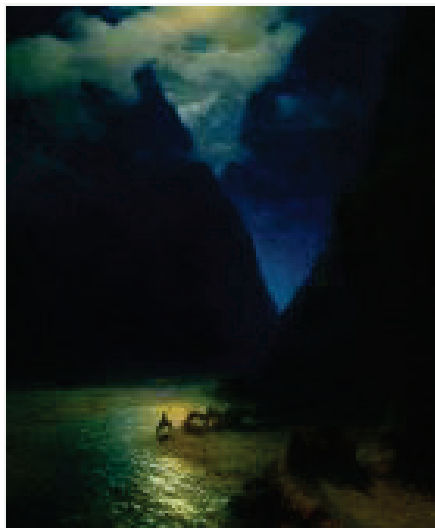

Г.Башинджаган.
Дарьяльское ущелье ночью
(*Скала «Пронеси, Господи!»*!), 1899.

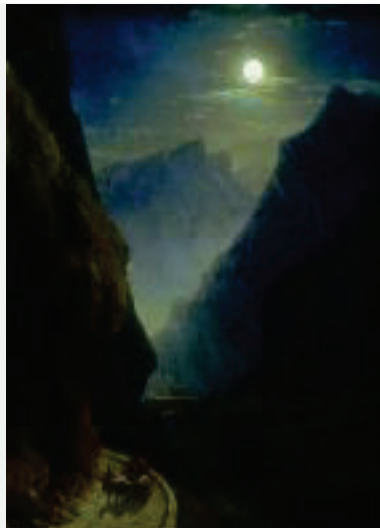

Г.Башинджаган.
Ночь в Дарьяльском ущелье

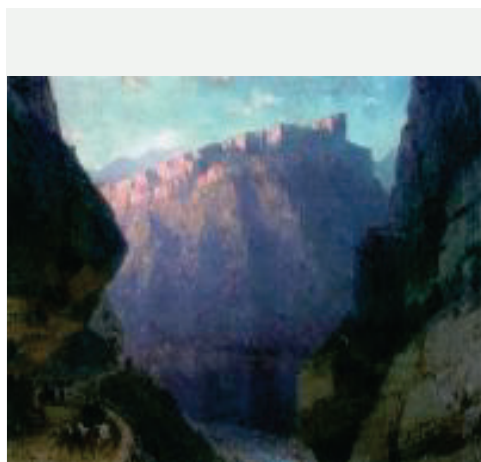
И. Айвазовский.

*Дарьяльское
ущелье, 1862.*

*Дарьяльское ущелье
в лунную ночь, 1868.*

Дарьяльское ущелье, 1868

Дарьяльское ущелье, 1891.

Один из самых близких и преданных учеников известного русского художника и монументалиста К.П. Брюллова (1799-1852) русский художник армянского происхождения Моисей Егорович Меликов (1818 – после 1896) учился в Академии художеств с 1837 г. и был знаком с Лермонтовым с 1826-1827 годов.

Благодаря дошедшим до нас ценным воспоминаниям Меликова «Заметки и воспоминания художника-живописца» сохранилось описание очертаний внешности Лермонтова и характерных особенностей и интересов будущего поэта: «Когда впервые встретился я с Мишей Лермонтовым, его занимала лепка из красного воска: он вылепил, например, охотника с собакой и сцены сражений. Кроме того, маленький Лермонтов составил театр из марионеток, в котором принимал участие и я с Мещериновыми; пиесы для этих представлений сочинял сам Лермонтов. В детстве наружность его невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остаётся для меня загадкой. Глаза эти, умные, с чёрными ресницами, делавшими их ещё глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрета Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица, и, по моему мнению, один только К.П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению, вставить огонь глаз). В личных воспоминаниях моих маленький Миша Лермонтов рисуется не иначе как с нагайкой в руке, властным руководителем наших забав, болезненно-самолюбивым, экзальтированным ребенком <...> Живо помню, как, отдохнув в одной из беседок сада и отыскивая новую точку для наброска, я вышел из беседки и встретился лицом к лицу с Лермонтовым после десятилетней разлуки. Он был одет в гусарскую форму. В наружности его я нашел значительную

перемену. Я видел уже перед собой не ребенка и юношу, а мужчину во цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо, с душевной теплотой. Казалось мне в тот миг, что ирония, скользившая в прежнее время на губах поэта, исчезла. Михаил Юрьевич сейчас же узнал меня, обменялся со мною несколькими вопросами, бегло рассмотрел мои рисунки, с особенной торопливостью пожал мне руку и сказал последнее прости... Заметно было, что он спешил куда-то, как спешил всегда, во всю свою короткую жизнь. Более мы с ним не виделись»¹²⁸.

Меликов в своих Воспоминаниях оставил также ценные сведения о московском армянском окружении поэта. Дядя Меликова, Павел Моисеевич Меликов (Меликянц Погос Мовсесович, 1771-1848) – князь, генерал-майор, сын армянского народа, участник и герой Отечественной войны 1812 года и битвы при Бородине. После ухода в отставку, П.М. Меликов поселился в Москве на примыкающей к Армянскому переулку Мясницкой улице, рядом с основанным в 1815 г. представителем знатного армянского рода Иоакимом (Еким, Аким, Оваким) Лазаревичем Лазаревым (Лазарян, Егиазарян; 1744-1826) Лазаревским институтом восточных языков и армянским храмом Сурб Хач (Церковь Воздвижения Животворящего Креста Господня, 1779), который был построен старшим братом Иоакима Лазаревича, графом Иваном (Ованес) Лазаревичем Лазаревым (1735-1801).

Благодаря усилиям П.М. Меликова, при церкви Сурб Хач в Москве был открыт приют для бедных армян, и после внесенной в благотворительный фонд огромной по тем временам суммы в 50 тысяч рублей от выходца из Арцаха, московского купца 3-й гильдии армянского происхождения, почетного гражданина и кавалера И.М. Каспарова, приют

---

¹²⁸ Меликов М.Е. Заметки и воспоминания художника-живописца // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 72-75.

получил название «Гаспарян ахкатаноц» («Касперовский приют для бедных армян»)¹²⁹.

Мемуарист М.Е. Меликов, оставшийся после смерти отца на попечении своего дяди, вспоминал: «Павел Моисеевич, занявшись моим воспитанием и чувствуя недостаток женского материнского влияния, ввел меня в семейный круг неизменных друзей своих — Мещериновых. У Красных ворот»¹³⁰.

Будущий поэт переехал с бабушкой в Москву в конце лета 1827 года, поступил в Благородный пансион, куда поступил также М.Е. Меликов, и подружился с ним. Оба мальчика часто посещали дом Мещериновых и подолгу слушали от очевидцев интересные рассказы о героических событиях недавнего прошлого. Моисей приглашает юного Михаила и к себе, в дом дяди.

Племянник князя художник М.Е. Меликов вспоминал о Москве тех лет: «Москва издревле умела оценивать и чтить защитников своих на поле брани, и не было в то время ни одного москвича, который не указал бы места жительства генерала Павла Моисеевича Меликова, не исключая уличного мальчика, который, проходя мимо его квартиры, не снимал бы шапку. В старину учили детей уважать заслуги отечеству. Квартира дяди находилась на Мясницкой, в Армянском переулке, близ армянской церкви и Лазаревского института, которого он был попечителем. У Красных ворот жили друзья его, семейство Мещериновых. Не в дальнем расстоянии жило семейство Багдадовых, тоже известное между армянами. По соседству с Мещериновыми жила родственница их по женской линии, Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, бабушка знаменитого поэта Лермонтова. Все эти лица были друзьями дядюшки, часто между собою виделись, и Павел Моисеевич, занявшись моим воспитанием и чувствуя недостаток женского материнского влияния, ввел меня в

---

¹²⁹ *Мирзоян Г.* Завещание генерала Меликова // газ. «Ноев ковчег», 2010, декабрь, № 12 (159). С. 11-12.

¹³⁰ *Меликов М.Е.* Заметки и воспоминания художника-живописца. С. 72-75.

семейный круг неизменных друзей своих — Мещериновых. <...> В доме дяди моего встречал я много знаменитостей того времени, в числе которых постоянным посетителем бывал Алексей Петрович Ермолов, который называл дядю своим другом»¹³¹.

В Примечаниях к Воспоминанию Меликова отмечено: «П.М. Меликов был одним из тех, от кого Лермонтов мог слышать рассказы о А. П. Ермолове. Упоминания имени легендарного полководца, популярного среди декабристов, в творчестве Лермонтова, несмотря на их краткость, очень многозначительны («Спор», «Валерик», «Герой нашего времени», «Кавказец»).

Известно, что Лермонтов задумывал историческую трилогию, где Ермолов должен был играть значительную роль. По-видимому, состоялась и личная встреча поэта с прославленным полководцем, т. к. П.Х. Граббе послал Ермолову письмо с Лермонтовым, когда тот в январе 1841 г. ехал в отпуск через Москву, где жил опальный генерал»¹³². Неподалеку от дома П.А. Мещеринова стоял дом его сослуживца П.М. Меликова.

Генерал-майор Меликов был в близких дружеских отношениях с генералом Алексеем Петровичем Ермоловым (1777-1861), соратником А.В. Суворова и М.И. Кутузова. Дружба и соседство П.М. Меликова с Петром Афанасьевичем Мещериновым, братом матери Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, по Воспоминаниям, способствовала частому посещению Лермонтовым дома генерала-армянина, где он не раз слушал рассказы об «опальном генерале» Ермолове, особенно когда бабушка с внуком Мишелем приехала в Москву, чтобы определить его в учебное заведение. Живя по соседству и с Меликовым, бабушка поэта также была в дружеских отношениях с дядей М.Е. Меликова.

У сыновей Мещериновых, ровесников Лермонтова, были общие с поэтом, нанятые для подготовки к поступлению в

---

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

Пансион, учителя, и между детьми завязалась дружба. Моисей Егорович Меликов, также ровесник поэта, был введен в дом Мещериновых, так как его дядя считал, что у племянника мало материнского внимания. Лермонтов (известно, что частым гостем здесь был и А.С. Пушкин¹³³) часто бывал в доме Меликова, и услышанные от Павла Моисеевича рассказы о войне 1812 г. легли в основу известных стихотворений поэта «Поле Бородина» (1830-1831) и «Бородино» (1837).

М.Е. Меликов отмечает также свои детские впечатления о творческом складе ума будущего поэта, когда маленький Лермонтов, играя, готовил представления и сам писал к ним «пиесы».

Армянский художник и иллюстратор Ванециан Арам Врамшапу (Ванецян; 1901-1971) в 1948 для Полного собрания сочинений Лермонтова подготовил иллюстрации к поэме «Измаил-Бей» и драме «Испанцы». Художник, родившийся в Александрополе (ныне – Гюмри), был хорошо знаком с этнографическими тонкостями иллюстрируемого и выполнил их в самобытной реалистической манере.

В 1950 г. А.Ванециан для отдельного издания лермонтовского романа «Герой нашего времени» оформил и нарисовал обложку «Максим Максимыч встречается с Печориным на станции» и сделал две иллюстрации маслом «Портрет Печорина» и «Дуэль» на вклейке. (Отметим, что известны также такие работы, как портрет И.Бабеля кисти Ванециана, который стал последним прижизненным портретом «опального» писателя, а в музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» хранится замечательное изображение интерьера яснополянской усадьбы кисти Ванециана.)

Мартирос Сергеевич Сарьян (1880—1972; ученик мастерских В. А. Серова и К. А. Коровина) – действительный член Академии художеств СССР (1947), народный художник СССР (1960), один из крупнейших представителей армянской

---

¹³³ *Амирханян М.Д.* А.С. Пушкин и Армения. Ереван, 1999. С. 34. – 88 с.

национальной школы живописи. Для издания «Печатник» Сарьян написал к поэме Лермонтова «Аул Бастунджи» в 1913 г. две иллюстрации «Вот мчится в поле конь» и «И видит он: черкешенка младая», характерными чертами которых являются экспрессия, острота выражения образов, обобщенная и лаконичная манера исполнения рисунков. Местонахождение оригиналов иллюстраций неизвестно¹³⁴.

Николай Николаевич Манвелов (Манвелянц; 1816 – после 1889), князь армянского происхождения, оставил важные сведения о творческой биографии Лермонтова. В 1833-1834 гг. Манвелов-мемуарист был соучеником Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (Школа юнкеров) в Петербурге. Здесь Лермонтов, в отличие от своих товарищей, проводивших большую часть времени в светских развлечениях, любил уединяться в отдаленном классе, писал тайком поэмы и стихотворения, но большей частью (по вечерам, в одиночестве, а также часто во время занятий) делал наброски из жизни Школы, портреты, карикатуры на преподавателей и юнкеров, рисунки¹³⁵. Чаще всего это были «кавказские виды и черкесов, скакавших по горам» (А.М. Меринский), оставил ряд свидетельств о поэтических произведениях, по которым лермонтоведы считают возможным датировку некоторых произведений¹³⁶.

В Школе учились и те, кто из любви к литературе ценил дарование поэта. Некоторые из соучеников сохранили рукописи Лермонтова (А.М. Меринский, окончил в 1835 г.), другие – тетради с его рисунками. Н.Н. Манвелов передал в 1889 г. в дар Лермонтовскому музею альбом с рисунками поэта периода пребывания в Школе юнкеров. К альбому было

---

¹³⁴ Лермонтовская энциклопедия. С. 497.

¹³⁵ Гиллельсон М.И., Миллер О.В. Комментарии // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. С. 537. – 672 с.

¹³⁶ Вацуро В.Э., Назарова Э.Э., Голованова Т.П. Примечания // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. / АН СССР. ИРЛ (Пушкин. дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979-1981. Т. 2. Поэмы. 1980. С. 549.

приложено сопроводительное письмо, озаглавленное «Воспоминания генерал-лейтенанта в отставке князя Николая Николаевича Манвелова, относящиеся к рисункам тетради Мих. Юрьевича Лермонтова», в котором были даны некоторые к ним пояснения¹³⁷.

Художественное творчество Лермонтова вдохновляло многих выдающихся армянских музыкантов и композиторов¹³⁸.

Армянский композитор, пианист и педагог (теория музыки) Генарий (Януарий) Осипович Корганов (1858-1890) на стихи Лермонтова «Она поет — и звуки тают. . . » сочинил опус 24/2 (изд.: М., 1889)¹³⁹.

На стихотворение Лермонтова «Нищий» («У врат обители святой...») армянский советский композитор, музыковед, один из основоположников музыковедения в Армении Василий Давидович Корганов (1865-1934) сочинил одноименный романс (изд.: СПб., 1894)¹⁴⁰, посвященный Ф.И. Шаляпину, который был исполнен в 1909 году¹⁴¹. Следует отметить, что в 1892-1893 гг., на одном из ученических музыкальных упражнений класса Д.А. Усатова, у которого певец брал бесплатные уроки пения в Тбилиси, В.Корганов первым оценил молодое дарование великого «русского баса» (т.н. «высокий бас»)¹⁴².

---

¹³⁷ Манвелов Н.Н. Воспоминания, относящиеся к рисункам тетради М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подг. текстов, вступит. статья и примеч. М.И. Гиллельсона и В.А. Мануйлова. М.: Худлит., 1989. С. 183-186.

¹³⁸ Гловацкий Б.С. Лермонтов и музыка / Вступит. ст. В.Музалевского. Л.: Музыка. Ленингр. отд-ние, 1964. – 103 с.

¹³⁹ Лермонтов в музыке: Справочник / Сост. Л.Морозова, Б.Розенфельд. М.: Сов.композитор, 1980. С. 66. – 176 с.; Музыкальная энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. Ю.В. Келдыш. Т. 1-6. М.: Сов. Энциклопедия-Сов. композитор, 1973-1982. Т. 2. С. 942.

¹⁴⁰ Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энциклопедия, 1962-1978. С. 65.

¹⁴¹ Музыкальная энциклопедия. Т. 2. С. 941-942.

¹⁴² Корганов В.Д. Статьи, воспоминания, путевые заметки, библиография. Ер.: Изд-во Гос. респ. библ-ки, 1968. С. 22, 202, 204.

Сохранились ценные воспоминания В.Д. Корганова¹⁴³ о Лермонтове от 16 августа 1889 г. в Пятигорске, где провел несколько дней, когда он, будучи на службе в саперных войсках, присутствовал на открытии памятника Лермонтову, встречался с Эмилией Александровной Шан-Гирей и ее дочерью Евгенией Акимовной и оставил воспоминания Э.А. Шан-Гирей о трудностях с устройением похорон Лермонтова¹⁴⁴. Эти материалы впервые были опубликованы в газ. «Новое обозрение» (Тифлис, 1891, 14 августа).

Известный композитор и дирижер Александр Афанасьевич Спендиаров (Спендиарян) (1871-1928), именем которого назван Ереванский театр оперы и балета, на стихи поэта «Они любили друг друга...» написал романс (1895), включенный в дальнейшем в сборник «Четыре романса для голоса с сопровождением» (СПб., 1899)¹⁴⁵.

На слова Лермонтова Спендиаров написал романс «Ветка Палестины» (1901), ставший позднее вокально-симфоническим квартетом «Ветка Палестины» («Скажи мне, ветка Палестины...») (1903. Опус 6, Кватет для смешанных голосов в сопровождении оркестра) для смешанных голосов в сопровождении оркестра, – издано в нотоиздательской фирме В.Бессель и К^о в Санкт-Петербурге).

Особой известностью пользуется симфоническая картина Спендиарова «Три пальмы» (1905; впервые опубл. в 1907 году, Лейпциг) по мотивам одноименного произведения поэта, удостоенная Глинкинской премии (1908) и обошедшая многочисленные европейские сцены. Симфоническая картина «Три пальмы» легла в основу музыки балета Спендиарова «Семь дочерей короля джиннов» (1913; первое представление состоялось в Берлинском оперном театре «Кроль» 3-4 января

---

¹⁴³ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 439-459.

¹⁴⁴ Там же. С. 22, 202, 204, 271-339, 343-349.

¹⁴⁵ Музыкальная энциклопедия. Т. 5. С. 233-235.

1913 г. и имело грандиозный успех¹⁴⁶). Балетмейстером и сценаристом балета был русский танцовщик и хореограф М.М. Фокин, в главной роли была задействована легендарная русская балерина А.П. Павлова. Специально для балета композитор написал музыкальный пролог. На музыку симфонической картины композитора был поставлен балет «Три пальмы» на сцене Ереванского театра оперы и балета им. А.А. Спендиарова (1964; балетмейстер и либреттист – Е.А. Чанга, дирижер – Я.М. Восканян, оформлял спектакль известный армянский художник Минас Карапетович Аветисян, известен под именем *Минас*)¹⁴⁷.

В годы Великой Отечественной войны Борис Константинович Аветисов (1907-1967), советский композитор и дирижер армянского происхождения, сочинил оперу в одном действии «Беглец. Горная легенда» (1943)¹⁴⁸, представленную в Тбилисском театре оперы и балета им. З.П. Палиашвили, дирижером которого он был в 1934-1945 гг.¹⁴⁹ Премьера оперы Аветисова состоялась 3 июля 1943 г. (либретто – К.Аветисов, дирижер – О.А. Димитриади, режиссер – М.Г. Квалиашвили, художник – И.И. Гамрекели)¹⁵⁰.

Художественное творчество Лермонтова было интересно одному из крупнейших музыкальных деятелей XX века, великому армянскому советскому композитору Араму Ильичу Хачатуряну (1903-1978). Творчество Лермонтова, как отмечал композитор, «будет вечно жить в музыке!».

Накануне Великой Отечественной войны, 21 июня 1941 года в Московском театре им. Евг.Вахтангова был поставлен

---

¹⁴⁶ Балет: энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Григорович. М.: Сов. энциклопедия, 1981. – 623 с.

¹⁴⁷ Музыкальная энциклопедия. Т. 5. С. 233-235.

¹⁴⁸ Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энциклопедия, 1962-1978. С. 22.

¹⁴⁹ *Гловацкий* Б.С. Лермонтов и музыка / Вступит. ст. В.Музалевского. Л.: Музыка. Ленингр. отд-ние, 1964. С. 64-65. – 103 с.

¹⁵⁰ *Норян С.* Новая опера «Беглец» // газ. «Коммунист» (Ереван), 1942, 2 авг.

спектакль «Маскарад», музыку к которому написал Хачатурян (руководитель постановки – крупнейший театральный деятель армянского происхождения Р.Н. Симонов, обучающийся в Лазаревском институте восточных языков, режиссер-постановщик – А.П. Тутьшкин, художник – Г.Н. Мосеев, балетмейстер – В.И. Вайнонен). Хачатуряновский романс Нины («Когда печаль слезой невольной...») был издан в том же, 1941 году в сборнике «Романсы советских композиторов на тексты Лермонтова» (М.-Л.: Музгиз, 1941. С. 85-89).

В 1944 г. Хачатурян на основе этой музыки пишет Сюиту для оркестра в пяти частях – Вальс, Ноктюрн, Мазурку, Романс и Галоп. Первая редакция Сюиты, предназначенная для малого состава симфонического оркестра, была исполнена на Московском радио 6 августа 1944 года, вторая редакция – для парного состава симфонического оркестра – также исполнялась в Москве, на радио, 8 ноября 1944 года (дирижировал двумя редакциями сюиты – известный дирижер, с 1939 по 1952 гг. стоявший у пульта Симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения С.П. Горчаков, ученик К.С. Сараджева (наст. фам. Сараджянц (1877-1954) – армянский дирижер, создатель советской дирижерской школы).

Впервые хачатуряновская Партитура сюиты была издана в 1947 году, а Партитура с голосами – в 1954 г. Композитор впоследствии вспоминал: «С трепетным волнением писал я музыку к драме Лермонтова «Маскарад». Какая глубина чувств, всепобеждающая сила страстей!».

Сюита и ее части обрабатывались неоднократно: на основе хачатуряновской музыки были созданы различные переложения других музыкантов – переложение Вальса для фортепиано (А.Долуханян, 1948), инструментальное переложение Вальса для смешанного оркестра (М.Смузиков, 1950), концертная обработка Вальса для скрипки и фортепиано (М.Фихтенгольц, 1951), и др.¹⁵¹

---

¹⁵¹ Музыкальная энциклопедия. Т. 5. С. 1044-1052.

И. Андроников по этому поводу не раз писал: «В музыке Хачатуряна к “Маскараду” все отмечено той новизной, которая никогда не состарится»; «Трудно представить себе музыку (речь о Вальсе Арбенина. – М.А., А.А.), более отвечающую характеру романтической драмы Лермонтова»; «Музыка глубоко современная и по фактуре, и по ощущению поэзии Лермонтова, совершенно свободная от какой-либо стилизации, от попытки “подделаться” так, чтобы трудно было отличить эту музыку от подлинного произведения эпохи»¹⁵². Вальс в дальнейшем был аранжирован в Переложение для фортепиано в четыре руки (издан в 1956 г.).

На музыку Хачатуряна к драме Лермонтова «Маскарад», симфонического Вальса из сюиты «Маскарад», П.Д. Герман создал литературно-музыкальную композицию «Встреча с Лермонтовым» (1948), одной из первых исполненное К.И. Шульженко¹⁵³.

В 1954 г. Хачатурян создает музыку к пьесе Б.А. Лавренева «Лермонтов», озвученную на сцене МХАТ. Композитор на основе музыки к этому спектаклю пишет Сюиту (1959; партитура Сюиты для большого симфонического оркестра, издана в 1964 г.) в четырех частях – Вступление («На смерть поэта»), Мазурку, Вальс, Интермеццо и Финал (Лермонтов на Кавказе). Вальс Хачатуряна (как и «Танец с саблями» из балета «Гаяне»), написанный по мотивам драмы Лермонтова, широко известности, наравне со Свадебным маршем Ф. Мендельсона, и очень популярен и распространен при регистрации бракосочетаний, в частности, в Армении.

Изложенные выше хачатуряновские музыкальные части легли в основу для создания балета «Маскарад» (1982) по одноименной лермонтовской драме, музыку и либретто к

---

¹⁵² Андроников И.Л. Вальс Арбенина. (О вальсе А.И. Хачатуряна из музыки к драме Лермонтова «Маскарад».) // «Огонек», 1960, № 1. С. 23-24.

¹⁵³ Андроников И.Л. И вновь пленяет «Маскарад» // Известия, 1964, 1 марта. «Маскарад» в Театре им. Моссовета.

которому доработал ученик А.И. Хачатуряна, известный армянский композитор Эдгар Сергеевич Оганесян (1930-1998) и группа русских либреттистов.

Созданный Оганесяном балет «Маскарад» состоит из 3 актов 15 картин, его музыкальная композиция и редакция с включенными в партитуру прологом и эпилогом, фрагментами из хачатуряновских произведений (музыки к спектаклю «Маскарад» в театре им. Евг.Вахтангова и музыки к пьесе Лаврениева «Лермонтов»), в числе которых также Вторая симфония, Соната-монолог для виолончели соло, «Бассо остинато» из сюиты для двух фортепьяно. В 1982 году балет «Маскарад» был поставлен на сцене Ереванского театра оперы и балета (художники-постановщики – Э.Г. Стенберг, Н.Ю. Поваго, дирижер-постановщик – А.Восканян), и имел огромный успех¹⁵⁴.

Одним из известных сочинений армянского композитора и дирижера Александра Шамильевича Мелик-Пашаева (Мелик-Пашаян) (1905-1964) является опера «Княжна Мери» («Печорин») (1938), написанная по мотивам произведений М.Ю. Лермонтова. Оперный дирижер Мелик-Пашаев более трех десятилетий дирижировал симфоническим оркестром Большого Театра – с 1931 г. был дирижером, а с 1953 по 1962 гг. был главным дирижером этого коллектива. Годы, в которые Мелик-Пашаев возглавлял пульт ведущего театра оперы и балета страны, современники музыканта называют «золотым веком Большого»¹⁵⁵.

К творчеству Лермонтова обращался ученик композитора А.И. Хачатуряна, советский композитор армянского происхождения Микаэл Леонович Таривердиев (1931-1996), написавший музыку «Я к вам пишу...» (1971) на стихи Лермонтова

---

¹⁵⁴ Лермонтов в музыке: Справочник / Сост. Л.Морозова, Б.Розенфельд. М.: Советский композитор, 1980. – 176 с.; *Гаспарян И.С.* Эдгар Оганесян. Ер.: Айастан, 1969.– 58 с. (На арм.яз.)

¹⁵⁵ Музыкальная энциклопедия. Т. 3. С. 507-508.

(«Валерик»), которая была озвучена в кинофильме «Пропавшая экспедиция» (реж. – Вен.Д. Дорман).

Таривердиевым написана музыка к спектаклю «Герой нашего времени» по мотивам романа Лермонтова для постановки известного театрального режиссера Ю.П. Любимова в Московском театре драмы и комедии на Таганке, премьера которой состоялась 14 октября 1964 года (сценарий – Н.Р. Эрдмана и Ю.П. Любимова)¹⁵⁶.

Как отмечалось в журнале «Театр» (М., 1965. № 3), музыка Таривердиева «проникнута духом лермонтовской кавказской романтики», и, в отличие от спектакля, получила положительный отзыв. В постановке играл небольшую роль драгунского капитана в сцене дуэли Печорина известный актер и поэт В.В. Высоцкий, исполнивший в спектакле романс Таривердиева «Есть у меня твой силуэт...» на слова из стихотворения Лермонтова «Силуэт»¹⁵⁷ [12; 24; 32; 35; 42].

По произведениям Лермонтова Борис Петрович Нерсесов, композитор армянского происхождения (род. 1922), сочинил несколько музыкальных произведений: оперу «Маскарад», его же либретто (1942-1948), опусы – «Из Гете (Горные вершины...)» (39/1) и «Когда волнуется желтеющая нива...» (36/1), а также музыкальную композицию для голоса с сопровождением фортепиано «Казачья колыбельная песня (Спи, младенец мой...)» (1963)¹⁵⁸.

Армянский советский композитор Александр Иванович Пирумов (1930-1995), ученик Дмитрия Борисовича Кабалевского, автор Хоровых циклов *a capella*, сочинил Хор без сопровождения «Четыре стихотворения», одна из частей которого «Гроб Оссиана (Под занавесою тумана...)» (1972)

---

¹⁵⁶ Там же. Т. 5. С. 443.

¹⁵⁷ Лермонтов в музыке. С. 104.

¹⁵⁸ Там же. С. 82.

написана на слова одноименного стихотворения Лермонтова¹⁵⁹.

Армянский композитор, дирижер, музыкальный редактор Арам Мовсесович Сатян, известный под псевдонимом Сатунц (1913-1990), обратившись к стихотворениям Лермонтова, сочинил романс «Выхожу один я на дорогу...» и произведения для голоса и фортепиано – «К себе (Как я хотел себя уверить...)), посвященное, по предположению И.Л. Андроникова, безответному чувству поэта к Н.Ф. Ивановой, и «Солнце (Как солнце зимнее прекрасно...». Все три музыкальных произведения созданы к 100-летию юбилею со дня гибели поэта, в 1941 году¹⁶⁰.

Сегодня отмечается 200-летний юбилей со дня рождения поэта. К сожалению, в последние два десятилетия нет должного внимания к процессу творчества. И все же заложенные в лермонтовском творчестве слова любви к отчизне, родному очагу, природе, человеку, познанию непознанного, думается, должны дать новый стимул к творчеству по мотивам и сюжетам произведений Лермонтова, поскольку наступивший XXI век откроет новые горизонты узнавания Лермонтова.

И, как итог, следует обратить внимание на воспитательную роль творчества Лермонтова и включение произведений в учебники и учебные пособия Армении. На произведениях Лермонтова воспитывалось не одно поколение армянских школьников. В XX веке художественное творчество поэта изучали в армянской школе и оно входило в круг обязательного детского и юношеского чтения. Произведения Лермонтова почти столетие включены в Стандарт Министерства образования и науки Армении как обязательные для изучения русского языка и литературы, и в настоящее время их продолжают включать в содержание учебников и учебных пособий армянской школы.

---

¹⁵⁹ Лермонтов в музыке. С. 87; Музыкальная энциклопедия. Т. 4. С. 294.

¹⁶⁰ Лермонтов в музыке. С. 96; Музыкальная энциклопедия. Т. 4. С. 866.

Вместо заключения

По существующей традиции в конце книги обычно делаются выводы.

Мы же решили нарушить традицию и упомянуть в форме вопросов изложенную в книге разностороннюю и многоаспектную деятельность Лермонтова как классика русской литературы, его творческое наследие, историю армянских переводов его сочинений, отклики, которым уже более ста пятидесяти лет, и критическую оценку произведений русского поэта в армянской периодике и многочисленных исследованиях армянских лермонтоведов, общение Лермонтова с его армянским окружением, сочинения и произведения, созданные по мотивам лермонтовских произведений армянскими композиторами и исполнителями музыки, богатейшее наследие армянских художников и русских живописцев армянского происхождения, армянские театральные постановки, роли из лермонтовской драматургии, сыгранные видными актерами армянского театра, которые вошли в сокровищницу мирового театрального искусства, а игра и исполнительское мастерство великих армянских деятелей театра еще раз прославили имя Лермонтова – поэта, писателя и драматурга.

Перечисленное выше в комментариях не нуждается. Оценку деятельности представителей армянской культуры, литературы и искусства уже дало время – самый честный судия и бескорыстный, справедливый вершитель славы.

В рамках данного направления в лермонтоведении авторы этой книги не только видели возложенную на них ответственность, но и почувствовали, в некотором смысле, национальную гордость: за широту и охват взаимосвязей разных уровней в русской и армянской литературе и искусстве, за осознание того, какую роль, какое значение и место в истории развития и распространения лермонтовских образов и идей сыграли армянские творцы и создатели, – они не только

представители армянского народа, но и ценители неповторимого творчества Лермонтова.

Поэтому авторы весьма польщены, что к 200-летнему юбилею М.Ю. Лермонтова им выпала возможность создать эту небольшую книгу как дань памяти поэту и выражение любви к творчеству одного из ярких представителей великой русской литературы, жизнь и творчество которого, как оказалось, тесно переплетается с армянским миром.

Оглавление

Вместо вступления.....	3
К читателю.....	5
Лермонтов в окружении армянского родства.....	10
Лермонтов в мире армянской литературы и исследований.....	75
Лермонтов в мире армянского искусства.....	83
Вместо заключения.....	114

Научное издание

**АМИРХАНЯН МИХАИЛ ДАВИДОВИЧ
АМИРХАНЯН АНАИТ МИХАЙЛОВНА**

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И АРМЯНСКИЙ МИР

Рецензенты:

**КИСЕЛЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
МОСКВИН ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

Директор издательства:

Компьютерная верстка и дизайн:

Технический редактор:

В.Асланян

К.Карапетян

В.Хачатрян

Издательский дом
ЛУСАБАЦ

Республика Армения, Ереван, ул.Пушкина, 46

Тел.: +374 (10) 53 96 47, +374 (55) 78 47 87

Е-mail: lusabats@netsys.am

lusabats@mail.ru

www.lusabats.am

Формат 60x84 1/16, 7,3 печатных листов. Тираж 250 экз.
Отпечатано в типографии «Издательского дома Лусабац»